

ДАМСКИЕ
ДЕТЕКТИВЫ

ДАЛИНА ОМАНОВА

КРАСОТКА ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА

Крепка как смерть любовь

Новый
РОМАН

Дамский детектив (ЭКСМО)

Галина Романова

Красотка печального образа

«ЭКСМО»

2007

Романова Г. В.

Красотка печального образа / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2007 — (Дамский детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-699-22228-5

Все неприятности Александры начались в тот день, когда она узнала, что ненаглядный Ромочка изменяет ей с лучшей подругой Катькой. Она находит место, где уединилась сладкая парочка и... обнаруживает своего любимого мертвым! В ужасе Шура бежит со старой дачи, где остался труп, море крови и ее многочисленные следы. Однако вечером Рома появился... живой и невредимый. Правда, на вопросы отвечать отказался, а утром ушел навсегда. Естественно, с новой пассией Катькой. Зато появилась милиция – с подозрениями и обвинениями Александры еще в нескольких странных убийствах... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-22228-5

© Романова Г. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Романова

Красотка печального образа

Глава 1

Жасминовые заросли плотным кольцом окружили клумбу, и кто конкретно там сейчас разговаривал, Александре не было видно.

– Нин, помнишь, Танька вчера про огурцы говорила? Какой-то рецепт новый. Нет, не помнишь? – спросил женский голос, и в прорехе между плотной листвой мелькнул край оранжевой жилетки.

Все стало понятно.

Работников жэка загнали на городские клумбы пропалывать совершенно зачехшую под взбесившимся июльским солнцем растительность. Унылые головки ярко-красных цветов робко жались к настырной траве, в поисках скудной тени, но и тут им не везло. Траву ловко щипали шустрые пальцы, обтянутые резиновыми перчатками.

– Нет, не помню! – меланхолично отозвалась другая женщина, и живая жасминовая изгородь заметно содрогнулась – оперлась она на нее спиной, что ли. – А что за рецепт? Что-нибудь интересное?

– Да вот и не помню! – с заметным сожалением отозвалась первая. – Говорит, вкусные очень. Соли полторы ложки на литр воды, сахара, кажется, две... Нет, болтать не стану, а то наговорю...

Александра вздохнула.

У людей все, как положено. Все размеренно. Огурцы солятся впрок. Клумбы пропалываются без усилий и сожаления о том, что жизнь – настоящая жизнь – проходит мимо. А у нее...

А у нее все не по-человечески. Все не по-людски, как сказала бы бабушка, окажись она рядом. Бабушки рядом давно не было. Жить по-людски без ее мудрых советов абсолютно не получалось. И главное, рецепта – того самого рецепта простого человеческого счастья – Александра не знала.

Может, стоило продраться сквозь жасмин, а? Сесть вместе с тетками в оранжевых жилетках, послушать про огурцы сначала, потом еще про что-нибудь, а там, глядишь, и про жизнь. Они ведь наверняка мудрые. Наверняка пожившие и лиха хлебнувшие, что-нибудь да знают за жизнь-то. Хотя...

Хотя, как оказалось, хлебай не хлебай этого самого лиха, узнать все, вернее, предугадать все, то есть предостеречь себя ну никак не получается. Куда она ни шагнет, на каждом метре грабли. Ну, на каждом же!!! И она наступает и наступает на них, наступает и наступает. Беда просто!

– А она когда заступает, Танька-то? – не унималась одна из женщин. – Рецепт надо бы спросить. У меня огурцов тьма-тьмушая. Своим говорю: жрите огурцы!

– А они?

– Ага! Как же! Станут они их есть без колбасы да мяса. Набаловались все. Кобелищу своему тоже сую каждый раз на смену, а он их из пакета вытаскивает. Кому выращивала, спрашивается?..

– Салат делай. В салате они скоро расходуются, – посоветовала ей товарка.

– Дык делаю! А толку?! Пропадают огурцы-то... Нет, рецепт обязательно нужен. Дождаться бы Таньку...

Александра снова вздохнула и покосилась на клумбу с легкой завистью.

Вот бы ей кого-нибудь дождаться, чтобы рецептом разжиться, а! Только не рецептом засолки огурцов, а каким-нибудь посуущественнее. К примеру, как поумнеть, не напрягаясь, к двадцати трем годам? А они ведь не за горами, они через полгода, ее двадцать три года. Или, допустим, как не позволять некоторым человеческим индивидуумам собой манипулировать? Или, скажем, как вдруг стать такой счастливой, чтобы улыбаться хотелось без причины?

– Смех без причины – признак дурачины. – потюкал неделю назад ее отец, когда она неосторожно обронила эту свою мечтательную мыслишку вслух. – Дело должно быть у каждого! Нормальное дело, приносящее удовлетворение, а ты все ищешь себя, все ищешь! Так ведь можно всю жизнь в поисках промыкаться. Избаловала тебя бабка на наши родительские головы...

Александра не возражала. Может, и избаловала. Может, и еще чего. Она вот лично не знала, как называется то состояние блаженного покоя, в котором она прожила за бабушкиной спиной все свое детство, отрочество и часть юности. Было ли то баловством или нет, спорить не бралась. Но то, что как только бабушки не стало, Александра осиротела, это была абсолютная и бесспорная правда.

– Господи! И когда только этот дурацкий кустарник уже выкорчуют?! – посетовали за жасминовой стеной. – Надоел, спасу нет. Просто как бельмо на глазу! Тоже мне, благоустроители! Тротуары мостят, а старье вырубать не собираются!..

Александра недобро глянула в сторону пропалываемой клумбы.

Ну, как можно так рассуждать, как можно от него избавляться!!!

Жасмин здесь рос всегда. Это такая же городская достопримечательность, как памятник Ленину на городской площади, как дом купца Струганова, в котором уже лет тридцать прозябала местная типография, как пепелище, оставшееся после сгоревшего районного Дома культуры, в конце концов!

Жасмин, он же рос здесь всегда, кажется. Во всяком случае, последние пятнадцать лет Александра его точно помнит. Она ведь бегала мимо него в школу. Воспоминания о начальных классах, правда, были весьма смутными, но потом-то!..

Про потом все-все помнит, будто это было вчера. И как прятались в этих зарослях от мужающих год за годом одноклассников. И как потом назначала возле этой заросшей жасмином клумбы свидания. И как знакомые девчонки, обкурившись «Пегасом», зажевывали табачный дух жасминовыми листьями, дающими странный огуречный аромат.

Опять про огурцы! Вот ведь тему подбросили тетки с самого утра. Хотя тему подбросили ей уже до теток, и совершенно не огурцов она касалась.

Вспомнив, Александра тяжело вздохнула в третий раз.

Какая же она несчастливая! Нет, ну какая же все-таки она несчастливая!!! Почему интересно подобная дрянь должна была случиться именно с ней, именно в этом крохотном городе, где все у всех на виду, и именно в то самое время, когда, казалось бы, ничто не предвещало. Почему, а?!

Ресницы Александры, забытые сегодняшним утром и не накрашенные, мелко-мелко затрепетали за темными стеклами солнцезащитных очков, пытаясь справиться с очередным приливом слез. Не разреветься бы снова. Глаза-то не красила, а вот над лицом потрудились. Тоником протерла, солнцезащитный крем нанесла, пудрой приложилась. И как-то даже смогла себе немного понравиться, когда очками покрасневшие глаза прикрыла.

Нет, реветь нельзя. Лицо делается дурным и непривлекательным. Нос...

Ох, уж этот нос! Ох, уж эта курносистая ее проблема! Попробуй тут разревься с таким-то носом, попробуй поглотаи красиво слезы, глядя с укоризной и тоской, тут же расплывется картошкой на пол-лица.

Она не станет плакать. Она выдержит все с поразительной стойкостью. И постарается быть циничной и снисходительной, глядя в глаза этим...

Фу, чушь какая! Она же не сможет, это же ясно, как божий день. С чего бы ей тогда стоять сейчас на автобусной остановке и дожидаться пригородного автобуса, а? Зачем было подниматься ни свет ни заря, собираться в экстренном порядке, будто по радио только что объявили всеобщую эвакуацию? С чего, зачем, для чего?! Для того чтобы в глаза посмотреть или на что-то еще?!

Александра попыталась подавить тяжелый вздох, а получилось почти со всхлипом. Надо же, как ей себя жалко! Глупо, банально, предсказуемо же все, а все равно жалко!

– Ты глупая, Санечка! – с удовольствием объявили ей сегодняшним утром по телефону. – Глупая и наивная! Неужели ты думала, что сможешь противостоять Катерине?!

Она думала, да! Она мало того что думала, верила в это! Она же не такая, как Катя! Она же... Она же много порядочнее, много серьезнее, много вернее и вообще... она любить умеет так, как никто и никогда, кажется, не любил.

– Таким, как Катя, все эти добродетели до лампочки, Сань! – оборвали ее бессвязный почти еще сонный лепет с безжалостной прямоотой. – Им они ни к чему, у них остальных достоинств в избытке. Вот твой Ромка и того...

Что того, Александра спросонья поняла не сразу. Мотала головой, терла глаза, пытаюсь рассмотреть почти в кромешной темноте спальни, который сейчас час. Шторы на окнах были гобеленовыми, оставшимися от бабули, света не пропускали совершенно никакого, понять, сколько времени, не представлялось возможности. Пришлось выкарабкиваться из-под перины, которой укрывалась всегда, даже летом. Идти в большую комнату и подслеповато таращиться на часы.

Было семь утра!

– Так что там у Катки с Ромкой, я не поняла? – более твердым голосом спросила Саша, забираясь на диван возле окна, прижала плечом телефонную трубку к уху и потянула из стопки вчерашним вечером выглаженного белья большую махровую простыню. – Ты чего звонишь-то вообще, Ксюш?

С Ксюшей они одно время жили по соседству. Правильнее, та и сейчас жила по соседству – только с родителями Александры. Сама же Шурка вот как уже с полгода переехала в старенький бабушкин дом.

Особой дружбы между ними не было, так ничего не значащее для обеих знакомство. Это Александра так думала. Ксюша, как показало время, думала совершенно иначе. Она почему-то вдруг решила, что должна и имеет право раскрывать своей неправильной – с ее точки зрения – соседке глаза на правду.

Александра – по ее разумению – неправильно жила, неправильно вела себя со своими друзьями, неправильно строила отношения с мужчинами. И хотя мужчина в жизни Александры случился пока что только один, Ксюша каждодневно обобщала и говорила о нем исключительно во множественном числе. Вот и теперь...

– Я звоню тебе, Санечка, потому, что мне очень жаль, как поступают с тобой эти козлы, – объяснила она свое утреннее рвение. – Ведь если я правильно понимаю ситуацию, то у вас любовь, так?

– Ну... – говорить с Ксюшей о своих чувствах в планы Александры не входило. – И что?

– А то, что минувшую ночь этот гад с твоей любезной сердцу подружкой провели вместе! Представляешь?!

Нет! Она не представляла! И этого не могло быть в принципе, потому что...

Да потому что еще вчера вечером Ромка был рядом с ней счастлив. Казался, во всяком случае, таким. И намеки какие-то делал про их дальнейшее совместное проживание в доме ее бабушки. Что-то там про то, что дому просто необходимы мужские руки. Крышу там починить, к примеру. Или огород вскопать.

Крыша была новехонькой и за версту блестела свеженькой оцинковкой. Огородом сотни лет никто не занимался, он давно зарос пестрыми мальвами, и кажется, от этого никто не страдал. Но...

Но спорить с Ромкой Александра не стала, слушала его во все уши и наслаждалась, наслаждалась, как последняя дура.

И вот теперь вдруг обнаруживается, что он вместе с Катькой провел ночь?! Этого же не может быть! Этого не могло быть в принципе, ведь они давно расстались! Они давно все друг для друга решили. Поняли, что совершенно чужие. Поняли все! И про ценности, которые у них разные. И про принципы, которые никак не хотели родниться. И про цели в жизни тоже все поняли. Приняли решение и расстались! Чего же теперь?!

– Ксюша, а ты ничего не путаешь, а? – осторожно поинтересовалась Александра, плотнее укутываясь в толстенную простыню, с чего-то вдруг ее начало легонько поколачивать. – Как они могли провести вместе ночь и главное где? У Катьки мать с сестрой вернулись вчера из санатория. А Ромка...

Ромка был фактически бездомным. Беженцем. Откуда, точно она не знала, да и не интересовалась особо. Катька всякий раз, рассказывая про него, называла то Казахстан, то Башкирию, то Дальний Восток. Суть не в этом. Суть заключалась в том, что Ромка как по приезде снял ветхий угол на окраине у одной сварливой бабки, так там до сего времени и проживал. Водить в этот угол всякий сброд – подразумевались девушки, женщины и друзья – бабка ему категорически запретила. С Катькой они встречались в основном на ее квартире, которую та делила с матерью и больной сестрой, и то все больше в их отсутствие.

– Господи! Ну, когда ты наконец станешь взрослой, Саша?! – завопила ей в самое ухо Ксюша. – Ты считаешь, что проводить ночь возможно лишь в постели на шелковых простынях, да?!

Ну, не совсем так, но крыша над головой, по ее разумению, должна была присутствовать.

– На даче они! – рыкнула напоследок обессиленная от ее тупоумия Ксюша.

– На даче? На какой даче? – Александра растерянно заморгала, силясь припомнить, когда это Катька или Рома успела обзавестись дачей, не вспомнила... – На какой даче? У них же не было никакой дачи.

– Купила! Купила твоя Катька дачу недели две назад. Так, не дача, а одно название. Курятник какой-то ветхий. Но для такого нужного дела, как свидание, подойдет легко. Короче, записывай. – Последовала короткая пауза, очевидно отведенная ей для того, чтобы она вооружилась авторучкой и листом бумаги, а потом дотошная соседка проговорила: – Двадцать пятая дорожка. Номер дачи восемьсот двадцать четыре. Там еще загородка такая высокая, хоть и прогнившая, но очень высокая. Калитка открывается, если ее чуть приподнять. Добираться знаешь, как туда?

– Нет.

Александра замотала в отчаянии головой.

Ей очень не хотелось верить. Очень!

Хотелось отключить телефон, снова забраться под бабушкину цыганскую перину, зарыться носом в подушку и продолжить прерванный сон про что-то хорошее.

Еще хотелось возразить Ксюше, заявить, что Катька не могла не сказать ей про свою недавнюю покупку. Они же виделись буквально пару дней назад. И еще хотелось сообщить, что адрес виртуальной Катькиной дачи ей совсем-совсем не нужен.

Не думает же Ксюша, в самом деле, что она поедет туда! С какой, спрашивается, целью?!

– С такой, чтобы застать этих мерзавцев и убедиться наконец, что тебя очень виртуозно водят за нос! – пояснила Ксюша даже без ее вопросов, будто мысли ее прочла. – Сколько же можно пребывать в неведении?! Ты с ней прямо вся такая... любезная!

Вот здесь Ксюша привирала откровенно.

С Катькой Александра не была любезной. Она ее любила всей душой. Она ее просто обожала, как сестру родную. Хотя у нее никогда не было ни брата, ни сестры, ей почему-то всегда казалось, что обожают их именно так.

Любила, обожала, старалась походить на нее, копировать манеры, привычки, а иногда в минуты острого черного отчаяния она ей немножечко завидовала.

Чему завидовала?

Да всему, господи! Там было чему завидовать, поверьте.

Катька... Загорская Катерина Степановна...

Двадцати трех лет от роду. С блеском закончившая школу. Потом с таким же сиянием и шиком закончившая местный институт и получившая диплом не какого-нибудь там бухгалтера, а гида-переводчика.

Красивая. Неприлично красивая. Ну, просто по киношному и книжному. И все-то в ней было безупречным и отточенным. Никакой наигранности и фальши. Плачет так плачет. Смеется так смеется. Безо всяких чувств смотрит на тебя и то эффектно. Просто рот открывая и любуйся ею. Александра и любовалась. И потакала, и нянчилась, и прощала...

– Слушай, Ксюша. – Александра зажмурила глаза и в который раз пожалела, что выбралась из темной спальни на белый свет, лежала бы сейчас и лежала под периной, и поплакать можно было бы беспрепятственно, и погоревать, не вставая. – А ты ничего не путаешь? С чего ты вдруг решила, что они на этой самой даче? Ты же не следила за ними, в самом деле! И опять же...

Та не дала ей договорить. Хмыкнула в трубку со значением и тут же поспешно возмутилась:

– Еще чего, следить я за ними стану! Очень нужно!!! Просто моя личная дача следующая по этой дорожке. То есть мой домик следующий и номер на нем какой?

– Какой? – глупо переспросила Александра.

– Правильно! Восемьсот двадцать шестой, моя дорогая. Я вчера малину обирала, потом картошку опрыскивала от жуков, одолели совершенно. Во сколько же точно это было...

Ксюша была заядлой огородницей, состояла даже, кажется, в каком-то городском сообществе, и всячески науськивала Александру на то, чтобы та вскопала, наконец, свой огород и влилась в их тесные сплоченные землепашеством ряды. Убеждала, что это крайне интересное занятие, совершенно не оставляющее свободного времени, которого ей – Александре – девать абсолютно некуда. Разве только на непутевые занятия.

– Так вот, ноги уже споласкивала в бочке с водой, когда машина подъехала.

– Машина? Какая машина?

У Александры в голове уже планомерно перемешивались грядки с картофельной ботвой, изъеденной колорадскими жуками, ведерки с малиной, номера домов с калитками, которые непременно нужно приподнимать, чтобы пробраться на территорию, огороженную ветхим, но высоким забором, а тут еще и машина какая-то.

– Ромкина машина, какая же еще! Нет, ну ты вообще, Санечка! – кажется, Ксюша даже обиделась.

– Но... Но у Ромки нет никакой машины, Ксюш! Нет, и не было! Он же... – на языке противно вертелось слово «нищий», но она нашла ему приемлемую замену. – Он не настолько обеспечен, чтобы позволить себе автомобиль.

– Уж не знаю, насколько он там у тебя обеспечен, или нет, но за рулем был именно он, поверь.

И она поверила!

– Катька выбралась следом почему-то с заднего сиденья. И кажется, нервничала.

– Почему нервничала? – Внутри тоненько заньло, и она наконец-то поняла, что все это правда и что Ксюша совсем не врет, а говорит чистую, откровенную, обнаженную правду.

– А я знаю? Оглядывалась все время и губку нижнюю все закусывала. Ну, ты знаешь, как она это умеет.

Александра знала, и сотню раз пыталась скопировать эту неподражаемо прелестную привычку своей лучшей подружки. Простаивала перед зеркалом часами, терзая крепкими зубами свою бледно-розовую плоть. То с одной стороны закусит, то с другой, то посередине.

Не получалось, хоть ты тресни! Ее личный рот совершенно не хотел капризно выгибаться, и прикушенные губы потом долго болели и шелушились.

– Потом о чем-то переговорила с Романом твоим и нырь в калитку. Он следом. Ну, а я... – Ксюша неожиданно замялась.

– А ты что?

И в самом деле, что она? Поспешила уйти, начала подслушивать или подглядывать, а может, в гости напросилась. Они же были знакомы, почему бы не зайти, раз увидела.

– Ну, а... это... Ноги ополоснула, вытерла, обулась и подошла к своему забору. Он как раз к стенке ее дома примыкает. Я вовсе не хотела подслушивать, поверь!

Не поверила. Хотела и подслушивала, дураку ясно.

– И что там? – Александра зажмурилась покрепче, пытаясь удержать проклятые слезы, начинавшие красться из глаз.

– А там стоны, ахи, скрип, дальше ты знаешь, не маленькая же, Сань! Что ты в самом деле?! И вот я уехала потом, а они все там были. Машина, говорят, и сейчас там стоит.

– Кто говорит? – ахнула Александра, моментально представившая себе ночное Ксюшино бдение возле машины, на которой приехала на дачу ее подружка и любимый.

– Так моя соседка ночевала на даче, утром на работу поехала прямо оттуда. Она и сказала, что растопырились посреди дороги, пришлось объезжать по другой дорожке. Так вот...

Ксюша ненадолго замолчала, мелко и часто дыша. Александра почти не дышала, так ей казалось. Сидела, погруженная в темноту и представляла, представляла, представляла.

Как Ромка кроет крышу бабушкиного дома. Как копает ее заросший мальвами огород и разбивает потом на нем грядки. Она лично ради такого случая даже в треклятое общество огородников вступит, и огурцы научится солить впрок, если они уродятся, лишь бы...

Лишь бы все это было неправдой! Лишь бы Ксюша взяла вдруг и ошиблась.

– Поезжай туда сейчас и посмотри! – вдруг скомандовала та ей.

– Куда?! Зачем?!

Александра моментально сжалась в маленький тугой комок, зарывшись по самый нос в мохнатую цветастую ткань.

Никуда она не поедет! Нет ее здесь! Она спряталась!

Так обычно она поступала в своем счастливом избалованном детстве, когда бабушка заставляла ее что-нибудь делать. Помогало раньше. Бабушка ее искала, упорно обходя накрытую с головой Александру стороной. Притворно ахала, всплескивала руками, искала, не находила, разумеется, и отступала.

Ксюша не была ее бабушкой, она страдала патологической настойчивостью, и она снова скомандовала ей:

– Поезжай и накрой с поличным этих голубков! А то они у тебя вечно все в шоколаде, а я... Я для тебя пустое место!

Разговор закончился в этом месте. Ксюша отбилась. А Александра упала, как сидела – комочком – на диван и расплакалась.

Никуда она не поедет. Да и зачем? Чтобы в очередной раз убедиться в том, что Катька снова сделала с ней это? Противно. Как же противно! Нет, ну ладно Катька, А Ромка? Совсем с катушек спрыгнул? Он же плевался именем Катерина, и кулаком себя в грудь стучал, и зарекался, и проклинал. А теперь что же получается? И откуда, скажите на милость, у этих двоих вдруг появились деньги на приобретение дачи, машины, а?!

Нет, ехать все же придется. Совсем не за тем, чтобы накрывать их с поличным, как рекомендовала ей Ксюша. А хотя бы за тем, чтобы убедиться в том, что все это неправда. А?! А что?! Классная идея!

Именно эта идея и подхлестнула ее березовым прутом. И заставила подскочить с дивана и заметаться по бабушкиному дому в поисках расчески, джинсов, футболки и носочков в кроссовки. Собралась минуты за три, успев и всплакнуть на дорожку, и увидеть себя в зеркало – некрасивую, и в сторону телефонного аппарата плюнуть – надо же было утру так начаться.

Почти бегом припустила на остановку, с которой можно было добраться до дачного поселка, и вот стоит теперь и слушает беззаботную болтовню работниц жэка, пропалывающих цветы в клумбе. Слушает и чуточку им завидует.

У них наверняка нет подобных проблем. У них наверняка самая близкая, самая любимая подруга не уводила любимого мужчину прямо из-под носа. Причем того самого любимого, которым почти полгода назад пренебрегла, послав его ко всем чертям, и даже куда-то дальше.

А может, и не уводила Катька ее Романа никуда? Может, все это пустые сплетни и ненужные никому домыслы. Разве что Ксюшке одной и нужные. Вот приедет и убедится, что это неправда. И уж тогда...

Дорога от остановки до нужной ей развилки на двадцать пятую дорожку пролегла по частному сектору. Чистенькие домики, ухоженные палисадники с буйством лиловых флоксов и тигровых лилий. Аккуратные, выложенные плиточками, брусочками дорожки к верандам и террасам.

Все как у людей! Все по-людски, как сказала бы бабушка.

А у нее одни мальвы в огороде и господствуют, соревнуясь в росте и многоцветье друг с другом. Заросли такие, что к задней калитке, за которой почти сразу река, не пробраться.

Александра машинально зацепила пальцами пучок травы и тут же крепко сжала.

Вот если Ксюша наврала ей или ошиблась, она обязательно наведет порядок в огороде. Конечно, с вступлением в общество садоводов-огородников она немного повременит, но порядок наведет непременно. Выдернет все мальвы, вскопает вольно пробездельничавшую за ее бездельем землю. Разобьет грядки и насажает чего-нибудь. Сейчас, может, уже и поздновато заниматься грядками, а вот по весне. По весне непременно займется огородом. Лишь бы Ксюша обозналась.

Двадцать пятая дорожка виляла между заборов из кроватных сеток, вдрызг проржавевших листов железа, новеньких частоколов и натянутой колючей проволоки. Домики дачников были под стать заборам. Где добротные кирпичные под шиферными крышами. Где сарай сараем, и о том, что это и впрямь не сарай, только подслеповатое окошко и напоминало. А где и вовсе домиков не было, а в самом углу возделанного участка высился огромный скворечник с непременным замком, продеты в ржавые дужки.

Восемьсот двадцать четвертый участок был именно таким, каким его описала Ксюша. Домик-развалюха, сколоченный из потемневших от времени досок. Полупровалившаяся крыша. И тот самый высокий, чудом державшийся непонятно на чем, забор.

Александра медленно подошла к калитке и замерла перед ней.

Входить или нет?! Входить или нет?..

Вдруг там есть кто-то, а?! Вдруг это совсем не Катькина дача, а чья-то еще? Она вопрется, приподняв уткнувшуюся досками в землю калитку, а там хозяева! Что она скажет им?

– Здравсьте, я Саша! Здесь должна была быть моя подружка Катерина с моим... ну пускай даже и женихом. Они приехали сюда вчера поздно вечером на машине и остались ночевать... кажется. А где машина? А я не знаю...

Кстати, машины и впрямь нигде не было видно. Ей пришлось обежать три соседних участка, где въезд для личного транспорта был оборудован специальной площадкой. Никого и ничего! Так что же делать-то?! Входить или нет?! Входить или...

Нет, она все же войдет. Зачем тогда приезжала?! Войдет и убедится наконец, что все ее волнения глупая напраслина. Ну, а если там кто-то обнаружится посторонний, она извинится и уйдет.

Александра вернулась к калитке и, вцепившись в верхнюю перекладину, приподняла ее. Та легко подалась и поползла в сторону, освобождая проход на участок.

Прежде чем войти, она долго рассматривала Катькино недавнее приобретение, если, конечно, оно и в самом деле было ее.

Самые обычные четыре сотки земли были засажены самой обычной картошкой, огурцами, салатом, морковью и прочей огородной ерундой, до которой лично у Александры никогда не доходили руки. Мальвы так мальвы...

В правом дальнем углу непременный туалет, по форме своей напоминающий самый обычный деревянный ящик. За ним еще какое-то строение с огромной проржавевшей бочкой на крыше. В левом дальнем углу тот самый домик, у стены которого вчерашним вечером подслушивала Ксюша. От калитки к домику вела заросшая муравой тропинка. Она обрывалась возле однобоко покосившейся скамейки, которую кто-то умный соорудил почти возле самой двери.

Возле нее Александра и замерла с помутневшим от страха взглядом.

Было от чего испугаться.

Перво-наперво, дверь оказалась открытой. И не просто не запертой на замок, а приоткрытой ровно наполовину. Потом весь порог был выпачкан чем-то темно-бурым, успевшим уже подсохнуть и отчетливо запечатлеть рифленый оттиск чьей-то подошвы. Ну, просто мечта криминалиста такой оттиск, подумала она машинально, осторожно переступая выпачканное место.

Темный крохотный коридорчик был завален садовым инструментом. Тяпки, в ошметках засохшей земли, лопаты, лейки, ведра с отвалившимися дужками, чьи-то стоптанные грязные башмаки. Представить себе Катерину в этих самых башмаках, окучивающую картофельные грядки, Александра сколько ни пыталась, не смогла. Катька не станет этим заниматься даже под дулом пистолета, решила она и толкнула дверь в комнатку.

Дверь была дощатой, со стороны комнаты обитой вздувшейся фанерой, а со стороны коридорчика просто неряшливо вымазанной нелепой оранжевой краской. Она послушно отвалилась к стене, не издав ни скрипа, ни стука, ни скрежета. Будто кто нарочно ее смазал, чтобы не пугать Александру заранее. Хотя внутри у девушки и без того все колотилось, переворачивалось, замирало и холодело.

Она вошла в комнату и долго жмурилась и моргала, пытаясь привыкнуть к полумраку, созданному фанерным щитом, приколоченному к тому месту, где с улицы красовалось подслеповатое окошко.

Почти ничего не было видно. Так, смутные очертания стола, который хозяева расположили под самым окном, то есть под фанерным щитом. Вешалка почти возле самого входа, на ней какое-то тряпье, издающее запах плесени и мышей. А слева от входа то ли кровать, то ли диван, и на нем...

На нем определенно что-то лежало. Что-то длинное и большое. Может, свернутое одеяло и матрац. Может, еще какая-нибудь гора ненужного тряпья, что не уместилось на вешалке.

Александра сделала шаг к лежанке и, вытянув вперед шею, постаралась присмотреться. Бесполезно. Ничего не было видно, кроме неясного темного уплотнения, дыбившего поверхность дивана или что там это было, и больше ничего.

Думала она недолго, не за тем она здесь, чтобы поворачивать обратно, а потом снова терзаться в догадках. Подошла к окну и, ухватившись обеими руками за фанерный щит, с силой его потянула. Надо же, получилось! Он вовсе и не был приколочен, а просто стоял на столе, прислонившись к стенке и загораживая белый свет от хозяев.

Повернулась и тут же снова начала заставлять окно фанерой.

Господи, нет!!! Господи, это неправда!!! Этого с ней никогда, ни за что не может и не произойдет!!!

Она сейчас закроет это дурацкое оконце фанерой, чтобы наглый агрессивный свет июльского утра не лез сквозь грязное стекло. И удерет отсюда! И забудет! И не вспомнит никогда уже больше!..

Фанерный лист, не удержавшись в ее трясущихся от ужаса и противной липкой слабости руках, выскользнул и с оглушительным грохотом опустился на пол. Солнце тут, как тут, хлынуло в домик, высвечивая все протечки на потолке и труху, вылезавшую из всех деревянных щелей, нестроганный пол и ворохи старых газет по углам.

То, что сейчас находилось за ее спиной, наверное, тоже было освещено с обнажающей четкостью. И все рассмотреть можно было отлично, все до мельчайших деталей. Хотя...

Хотя она и так успела все рассмотреть, кажется. Все, все, все!

И Ромкину рубашку, пропитавшуюся той же самой засохшей жидкостью, которой был уляпан весь порожек этого ветхого домишки. И волосы его, в которых вечно плутали солнце и ветер. И руку его Александра успела рассмотреть и запомнить, как именно она свесилась, свернувшись пальцами в кулак, с дивана – все же это был старый диван с подголовными толстыми валиками и толстыми деревянными ножками.

Все запомнила до мелочей. Все, кроме того предмета, который торчал сейчас из Ромкиной неподвижной спины. А не запомнила потому, что он казался чужим, инородным, неправильным и дурацким.

– Ром, Рома-а-а, – позвала Александра глупым, надтреснутым голосом. – Ромочка, ты меня слышишь, а?!

Сама звала его по имени, а не поворачивалась, глаза сквозь грязные стеклышки крохотного оконца на картофельные грядки.

– Ромочка! Ответь мне, пожалуйста, а! Ну, я прошу тебя очень, скажи что-нибудь, а!!! – попросила она снова и прислушалась.

Тихо... Тихо было, как в могиле.

Нет, все же не совсем.

Муха жужжала отчаянно, видимо, карабкалась из паутины, надрываясь в своих мушиных воплях и призывая хоть кого-нибудь на помощь. Еще сердце у Александры молотило так, что заболела вся грудная клетка. И горло у нее заболело тоже, как будто она снова подхватила страшную ангину, названия которой никогда не могла запомнить.

Странное какое-то было название, очень сильно по звучанию напоминающее слово «фурункул». Болела она ею почти все детство, если по неосторожности вдруг ухитрилась застудить ноги и хватануть чего-нибудь запретно-холодного. И бабуля лечила ее горькими настояшками собственного приготовления. И лепила ей на горло удушливо горячий компресс, заматывая потом колючим клетчатым шарфом. И еще готовила ее любимые пельмени и уговаривала съесть хоть один, хоть половинку. А еще пекла ее любимую шарлотку, такую высокую, такую душистую и ноздреватую, что когда Александра откусывала от нее по чуть-чуть, казалось, что пирог в ее руках дышит.

Так болеть она всегда любила. Нежилась в любящих руках, капризничала, загибалась пальчики, заказывая что-нибудь не очень полезное на обед и на ужин. И не поверите, выздороветь не хотелось. Бабуля ведь была рядом.

Теперь рядом никого не было. Никого, если учесть, что Ромка перешел теперь в разряд существ неодоушенных. Его душа покинула тело и пошла бродить где-нибудь меж сливовых деревьев и малиновых зарослей этого дачного поселка. А мертвое тело, облаченное в его любимую рубашку, джинсы и сандалии на босу ногу лежало на ветхом, наверняка продавленном диване. И из спины его неодоушенного тела торчала рукоятка чего-то...

А в самом деле, что за рукоятка?

Ох, каких же великих сил ей стоило обернуться и посмотреть, что именно убило ее Ромку. Пока вот стояла, рассматривая, чужой огород, все казалось нереальным, ненастоящим и придуманным ярким солнцем и сотканным густой пылью, которую потревожил не кто-нибудь, а именно она, ворвавшись на чужую территорию. Но стоило обернуться и заставить себя поднять глаза от сгнивших досок неструганого пола, так все.

Все надежды на игру света, пыли и воображения растворились.

Ромка...

На старом диване, обитом когда-то дорогим гобеленом, лежал самый настоящий, вполне реальный труп. Из спины торчала наборная рукоятка самодельного ножа. Александра видела такие у дяди Коли, что жил, кажется, всегда по соседству с бабушкой.

Дядя Коля работал на каком-то заводе и таскал оттуда аккуратные стальные пластинки, аккуратно завернутые в промасленную тряпочку. Потом он эти пластинки зажимал в тиски на верстаке в своем сарае, долго шаркал по ним напильником, рассматривал на свет, потом мастерил рукоятку, и на белый свет появлялся очередной ножик. Точь-в-точь такой, что пригвоздил ее Ромку к чужому старому дивану.

– Ты умер, да? – совершенно по-идиотски спросила Александра и снова опустила глаза в пол. – А зачем?! Зачем, Ромочка?! Я же... Я же любила тебя. Что же теперь?! Как же теперь, Ром?! Как же я теперь без тебя? Ты же обещал... Ты же обещал починить крышу, хотя она и новая почти, но все равно... И огород... Ты же обещал огород...

Далеко, возможно где-то на соседних дорожках, которые капиллярно делили дачный поселок на улицы, дико засигналила машина. Может, и не дико, а совершенно обыкновенно засигналила. Это просто ей так показалось, что дико, оглушительно и страшно.

Ее просто подбросило от этого сигнала, будто током ударило. Ощущение-то было знакомым. Ее периодически шарахало током от бабушкиной стиральной машины, в которой как-то неправильно стерся какой-то механизм. Это ей авторитетно приглашенный мастер заявил. Механизм стерся, машинка продолжала настырно работать, но за неисправность мстила постоянными электрошоковыми разрядами. Александра в таких случаях буквально подпрыгивала, всхлипывала и спешила поскорее убраться из темной бабушкиной прачечной. И не появлялась там уже до тех самых пор, пока не умолкало сердитое рычание старенького мотора.

Видимо, электрошоковая терапия выработала у Александры условный рефлекс, подготавливающий ее поскорее убраться. Вылетела она из чужого дачного домика стремительнее пули, не забыв повторить маневр с перешагиванием через выпачканный чем-то бурым порог, не забыв снова приподнять калитку и вернуть ее на место и не забыв в целях осторожности перебежать на дорожку, параллельную двадцать пятой.

И лишь оказавшись в визуальной недосыгаемости от дачного участка под номером восемьсот двадцать четыре, она смогла наконец отдышаться, погоревать и совсем чуть-чуть подумать.

Думать, правда, особо не получалось. Мозг упорно рождал бессмысленные междометия и союзы, не способные пролить свет ни на что.

Ни на то, кто убил Ромку? О суициде ведь и речи быть не могло. Так изловчиться, каким бы циркачом и акробатом он ни был – а он им не был, – он ни за что не смог бы.

Ни на то, за что кто-то убил Ромку? Насколько она его знала – а знала она его неплохо совсем, – у него не было никаких связей, порочащих его. Исключение составляла лишь Катерина.

Так, минуточку...

Катерина!!! Катька, Катенька, Катюша!

Дьявол в обличье ангела. Волчица в шкуре ягненка. Так получается?!

Она вчера приезжала вместе с Ромкой на эту дачу. Она! Это и Ксюша может подтвердить. Она же их видела. Вот и свидетель уже имеется. Так, что дальше...

Она приехала с ним. Возможно, между ними произошла ссора. И не возможно, а произошло. С чего бы тогда Катьке убивать его?! Она расвирепела, это она тоже могла. И в пылу ударила Ромку ножом в спину. Потом испугалась и удрала на той машине, на которой сюда приехала. Приехали...

А как она могла, если за рулем сидел Ромка? И еще не факт, что она вообще умеет водить машину. И опять Ксюша говорила, что за ветхой стенкой дома раздавались сексуальные стоны, а Ромка полностью одет. Тогда что получается?

Либо Ксюша что-то путает, либо... Либо стоны носили совершенно не тот характер, который ей почудился. Мог же Ромка стонать от боли, скажем?! Запросто мог!

Странная мысль об этом вдруг принесла небывалое облегчение, неприличное просто для такого случая. Казалось бы, что меняется от того, спал он с Катькой перед своей смертью или нет?! А оказалось, что меняется многое.

Грудная клетка вдруг будто взорвалась от нового приступа боли, а странная ангина, названия которой она все никак не могла запомнить, прорвалась наружу судорожными рыданиями.

Он ей не изменил? Не изменил, получается! Он погиб от судорожной Катькиной ревности, от ее необузданной невостребованной страстности.

Гадина!!! Какая же она все-таки гадина, а еще клялась и божилась, что ничего совершенно к нему теперь не питает, и что он ей больше не нужен, и что никогда уже не встанет между ними – между Ромкой и Александрой. Выходит, врала? Выходит, врала...

– Девушка! Девушка, что с вами?!

Александра подняла голову и уставилась сквозь замутненные слезами стекла очков на странное существо, склонившееся над нею.

Господи! Оказывается, она сидела в траве на обочине соседней дорожки и, привалившись спиной к жесткой изгороди чужой дачи, всюду рыдала. Сколько же времени прошло с тех пор, как она вылетела стрелой из Катькиного домика? Час, два, а может, минут десять?

Мужчина, а это несомненно был мужчина, хотя и довольно-таки странно одетый – в юбку-шорты и явно женскую кофту с крупными пуговицами, смотрел на нее с сочувственным любопытством. В запачканных землей руках он держал тяпку и огромный пук свеженадерганного сорняка.

– Вам нехорошо? – снова спросил он и протянул ей руку. – Давайте-ка поднимайтесь, не нужно вам здесь сидеть, поверьте.

Она поверила, вцепилась в его грязные пальцы и, подтянувшись, встала на ноги.

– Спасибо, – прошептала, как только поднялась. – Спасибо вам. Извините меня, пожалуйста.

– Да за что же, прости господи? – Мужчина улыбнулся ей из-под широкополой панамы, тоже не мужской. – Слышу, плачет кто-то безутешно. Дай, думаю, взгляну. А тут вы... Случилось что? Обидел кто?

– Да так, дела житейские, – скороговоркой пробормотала Александра. – Спасибо вам. Я пойду.

– Ага... – Он все не отпускал ее руки и по-прежнему глядел с сочувствием. – А то смотрите, может, чайку, а? У меня чай на плите уже закипает со смородиновым листом. Ум-мм, красота, а не чай. Так как?

– Нет, нет, пожалуй, я пойду. Спасибо.

И она ушла не оглядываясь. Петляла как хороший заяц вдоль чужих покосившихся заборов, в какой-то момент ей даже показалось, что она заблудилась, но минут через десять, вышла

все же к остановке. Уселась в подоспевший автобус, привалилась головой к стеклу и тут же закрыла глаза в изнеможении.

Что дальше? Вот что дальше?!

Приедет она сейчас домой. Позвонит Ксюше...

Позвонить, кстати, или нет?! А, какая разница, впрочем. Не позвонит она ей, та не выдержит, начнет обрывать телефонную линию и дознаваться, что и кого она там обнаружила. В том смысле, удалось ли ей застукать голубков или нет.

Но это ведь всего лишь детали. Несущественные, глупые и не способные помочь, изменить, вернуть ей Ромку, которого кто-то подло ножом в спину...

Вот с чем жить придется! Вот от чего жить не хочется!

Она же не может, к примеру, приехать и позвонить сейчас в милицию. Почему не может? Да потому... Потому что тут же начнется расследование, тут же начнутся вопросы.

А что она там делала? А зачем поехала? Хотела убедиться в том, изменял ли ей ее возлюбленный или нет? Ага! Очень интересно! А кто сможет убедить следствие, что она не поехала туда, например, ночью? И, убедившись, что – да, изменяет, взяла и убила неверного. Может такое быть? Запросто! А утром зачем поехала? А для того, чтобы убедиться, что он умер и что никогда уже не воскреснет.

Гадко так думать, подло и трусливо, это Александра осознавала очень отчетливо даже под давлением того страшного горя, которое согнуло ее так, что дышать было нелегко. Но не думать тоже было нельзя!

Она может стать подозреваемой номер один. Номером два – Катька. А вдруг та и вовсе ни при чем? Вдруг Ксюша что-то напутала снова, как со стонами, а?!

Нет, в милицию она звонить точно не станет. Она...

Она вот сейчас возьмет и поедет напрямик к Катьке. И спросит ее в лоб! И по ее глазам обо всем догадается сразу. Она же сто лет, кажется, ее знает. И читать научилась и по глазам ее прекрасным, и по губам, как бы искусно она ни кроила их в улыбку.

Все решено! Едет к Катьке!

Глава 2

– Санька, привет! Привет, солнышко, входи скорее мне холодно!

Даже заспанное Катькино лицо казалось прекрасным, даже в спутанных непричесанных волосах находила она непередаваемую прелесть. Как было устоять перед ее красотой мужчинам, если она – женщина – и то млела, рассматривая подругу с ревностной доскональностью...

Катка открыла ей не сразу. Вопила из-за двери, что сейчас, сейчас, погодите только, куда-то запропастились ключи и все такое. Из этих ее воплей Александра поняла, что Катерина ночевала дома одна. При матери и больной сестре та никогда не позволяла себе подобных воплей. Да мать Катерины и сама бы ей открыла, вставала та очень рано, а теперь шел уже одиннадцатый час.

Катка приоткрыла дверь, высунув в щель точеный носик в очень аккуратных и очень симпатичных веснушках, будто специально кем распыленных для придания ее облику еще большей эротичности, хотя куда уж больше...

Втащила ее в квартиру, захлопнула дверь и тут же, без стеснения пошла на кухню, представив ей на обозрение свое абсолютно голое и абсолютно совершенное тело.

– Ты чего это с самого утра приперлась? – с непередаваемой небрежностью, как могла только она, поинтересовалась Катка, припадая пухлым со сна ртом к носику чайника. – Случилось чего?

– Почему сразу случилось? – Александра обессиленно уселась к круглому столу, стоящему возле окна в их кухне и тут же отвернулась.

Ну не могла она смотреть, как ползет по загорелой, неприлично высокой и неестественно твердой Катькиной груди оброненная ее ртом капля кипяченой воды. Ну, больно просто было ей и от вида ее тела, живого, трепетного и до бесстыдства сексуального, и от того еще, что Катка, кажется, совершенно не была ничем опечалена.

Тут же в голову настойчиво постучался омерзительный вопрос: а как же Ромкин труп на ее даче?! Как она его воспринимает? Как нечто само собой разумеющееся, или как?!

И очень хотелось спросить Катку именно об этом, но спросила отчего-то о другом.

– Кать, ты это... – Губы не слушались, расплываясь в разные стороны, будто и не губы это были, а подтаявшее желе. – Кать, ты снова была с ним, да?!

Красивое гибкое тело Катерины едва заметно вздрогнуло и всего лишь на секунду напряглось. Чайник в ее руках чуть дернулся, и еще одна капля, покрупнее предыдущей, сползла между ее грудей к совершенному пупку, в котором поблескивал непонятного происхождения камешек. Неужели бриллиант?

Отвечать подруга не торопилась. Поставила чайник, и не поставила даже, а швырнула его на газовую плиту. Медленно повернулась на пятках, которые всегда напоминали Александре два крупных розовых лепестка, до того были бархатисты и ухожены. Потом уселась к столу напротив Александры, без стеснения пристроив свою голую грудь прямо на клетчатой скатерти. Посмотрела на нее, как на больную и спрашивает:

– Ты что же, теперь меня будешь всю жизнь из-за него преследовать, Сань?

– Почему всю жизнь? – Александра мазнула сухим шершавым языком по губам и поморщилась, ощущение было таким, будто наждачкой провела по оголенным нервам. – Я просто...

– Просто что, Сань?

Каткины соски-горошины хищно целились в Александра, мешая думать, говорить, спрашивать и отвечать. Ей все казалось, что Катка вот-вот, прямо сию минуту, возьмет и выстрелит в нее своей дразняще зрелой плотью, и убьет ее наповал не своей красотой, так страшной какой-нибудь правдой, которую знать и хотелось, а с другой стороны, и не очень.

Изменить уже ничего нельзя. Ничего!!!

– Послушай, милая, – ласково и совсем не притворно проговорила Катька, вытянула руку, коснулась ее ледяных пальцев, пыльных от прикосновений участливого дачника и долго блуждания по дачному поселку. – Я же сказала тебе раз и навсегда, он мне не нужен! А если я так говорю, значит, так оно и есть на самом деле! Да к тому же...

– К тому же что?

От Катькиного прикосновения, от того, как нежно и почти трепетно трогала та сейчас ее пальцы, Александру начало трясти.

Господи, мелькало в ее голове, неужели она его вот этими самыми руками, а?! Неужели не дрогнула, не смутилась, не забоялась?! Это ведь усилий требует, так? Еще каких усилий, взять и воткнуть в спину нож! Надо суметь попасть в межреберное пространство, суметь проткнуть жесткую плоть из крепких мышц...

– К тому же мне кажется, что Ромка впервые по-настоящему влюбился, Сань, – абсолютно без притворства произнесла подруга, продолжая поигрывать ее грязной ладонью. – Он просто переродился с тобой, поверь. У него сейчас одно имя на устах – это твое.

– А как же ты? У него и к тебе была любовь, если мне не изменяет память.

С памятью было все в порядке. И она безобразно обнажающее то и дело, в любое время дня и ночи, поставляла Александре пламенные историйки их бывших отношений – Катьки и Романа.

– Так то не любовь была, какая же ты чудная! – Катерина резво убрала свою руку под грудь, приподняв ее еще выше. – То плотское удовольствие и не более! Почти скотское, учти! А к тебе у него совсем-совсем другое чувство. К тебе у него... Это просто наваждение какое-то. Он просто бредит тобою. Санечка то, Санечка это, а как Санечка к этому отнесется. Ты, к примеру, знаешь, что он ссуду собрался в банке брать, чтобы дом твоей бабули отреставрировать в современном стиле?

– Нет. – Она почти подавилась этим коротким словом из жестких, отрицающих все на свете, букв. – Нет, не знала.

– Вот же! А он собрался. И меня, между прочим, поручителем попросил быть. Вот, может, отсюда и сплетни. Тебя же сплетни сюда наверняка пригнали в такую рань. Я не ошиблась, милая? Нас кто-то видел вместе, так?

Катькины изумительные глаза изумительно неопределенного цвета – то они были бирюзовыми, то фиалковыми, то сверкали ослепительным сапфировым блеском – глядели на Александру добро и с любовью.

– Ну, Сань, ну чего ты? Ревела к тому же. Давай, давай, рассказывай. Нет, погоди. Поставь пока чайник и бутербродов каких-нибудь наделай, а я пойду приму душ и надену на себя что-нибудь...

Что-нибудь оказалось очень скудными шортиками, открывающими Катькин зад почти полностью, два лоскута узкой ткани, буквально рвущиеся с треском под натиском ее груди, и резинка, задравшая ее волосы высоко на макушку.

Она вернулась из ванной очень скоро и тут же села к столу, наблюдая за тем, как хлопчет Александра на ее же собственной кухне.

Так было всегда. Где бы они ни были, где бы ни гостили или ни заночевали, Катька всегда была сторонним наблюдателем, а Александре обычно доставались все хлопоты по устройству их общего быта.

Она не роптала и раньше, не роптала и сейчас. Хоть на чем-то сосредоточиться, кроме мыслей о трупe, коченеющем сейчас в домике дачного поселка.

Вскипятила чайник. Достала из холодильника батон вареной колбасы и масло. Достала из хлебницы сладкую булку с изюмом и, нарезав ее тонкими ломтиками, принялась делать бутерброды.

– Изюм и колбаса? – Катька лениво подняла бровки. – Что-то ты, Санька, и правда не в себе.

– Ничего. Пойдет. Больше никакого хлеба нет, – отрывисто пояснила Александра, невольно покосившись на Катькины узкие ладошки.

Могла или не могла эта нежная холеная ручка хладнокровно воткнуть нож меж мужских лопаток? Если да, то что именно стоит за этим? Глупая бабская агрессия или что-то такое, о чем Александре никогда не догадаться, сколько бы она ни старалась?

Закончив с бутербродами, она налила им обеим по огромной кружке чая с сахаром и села к столу. Какое-то время они молча завтракали. Катерина при этом очень пристально ее рассматривала, а Александра еще более пристально рассматривала клетчатую поверхность стола. Кусок ей в горло если и лез, то через великую силу. Она просто насильно заталкивала его туда, боясь собственного истеричного выпада.

Может, все же зря она приперлась к Катерине? Может, стоило начать с Ксюши? Вместе они что-нибудь бы да придумали. А Катька, она же известная притворщица и выдумщица. Ей соврать – не дорого взять...

– Сань, ну Санька же! – не выдержала подруга, со стуком поставила на стол опустевшую кружку и снова вцепилась в нее, теперь уже в руку повыше локтя. – Ну, прекрати ревновать, а! Ну, ты же знаешь, что я с ним при таких обстоятельствах ни в жисть! Ну!

– При каких обстоятельствах? – Александра вскинула на нее покрасневшие, помутневшие от слез и горя глаза. – Можно с этого места поподробнее, Кать?

– Ну... При таких, что теперь мой Ромка с тобой и все такое... Я никогда бы не допустила его до тела, зная, что он теперь твой, Санечка!

– Но вас же видели вместе, – осторожно вставила Александра, сочтя, что случай начать разговор, ради которого сюда явилась, наконец-то ей представился. – Ты же не станешь этого отрицать?

– Нет. Не стану. И что с того, что видели? Мы же не перестали быть друзьями, дуреха! Это же нормально. К тому же у нас есть нечто общее, что связало нас почти навечно.

– Да? И что же это? – Она чуть не упала с табуретки, услышав подобное, пришлось даже вцепиться в край стола, чуть скомкав клетчатую ткань.

– Ты! Ты, дурочка ты наша! – с чувством выпалила Катька и полезла к ней целоваться. – Ты нас связала до гроба! Я люблю тебя и вовсе не собираюсь от тебя отказываться из-за твоей глупой необоснованной ревности. И Ромка тоже тебя любит. Вот и...

– И?! – выдохнула с горечью Александра, решив, что вот-вот сейчас она ей обо всем и расскажет.

– Вот и приходится нам с ним видеться время от времени. – Загорелые плечи беспечно дернулись, кольхнув тяжелую грудь под яркой полоской ткани. – Но это же...

– Кажется, это самое время было как раз вчера, так? – перебила ее Александра, поняв, что если она ей сию минуту ничего не выложит, то потеряет сознание точно. – Вчера вечером точнее, так?!

Катька испугалась!

Александра не первый год ее знала, она изучила свою любимую подругу вдоль и поперек, научилась читать чувства и настроение за ее прекрасным фасадом, сколь бы искусно тот ни был заретуширован.

Катька испугалась, причем достаточно сильно, до непозволительно неприятной бледности, моментально сделавшей ее загорелое лицо болезненно желтым.

– И... что конкретно тебе донесли? – пролепетала она и глянула на Александру затравленно, но оправилась достаточно быстро, затараторив: – кому же это приспичило открывать тебе правду, а? Кто же такой дотошный? Кому покоя чужая личная жизнь не дает? Не той ли толстозадой Ксане, что роет землю, будто крот?!

– Это так важно?

– Да не особо, но... Все равно хотелось бы знать, откуда ждать ножа в спину?

Почему она так сказала??? Почему??? Почему упомянула про нож и про спину???

Александра даже рот ладонью прикрыла, чтобы не заорать. Уставилась на Катьку остановившимся взглядом и молча с ужасом наблюдала за тем, как возвращаются на лицо подруги все краски жизни.

Лгунья? Лгунья...

– Нож в спину может получить кто угодно, от кого угодно и в какое угодно время, – пробубнила Александра сквозь ладонь, почти не разжимая рта.

– Вот-вот! И я о том же! Так кто тебе донес про меня и про Ромку?

Вопрос прозвучал с таким откровенным подтекстом, с таким намеком на то, что все же было о чем доносить, что не понять этого не смогла даже Катька и тут же смутилась.

– Ты это... – Ее голые плечи уныло поникли. – Я вовсе не то имела в виду, Сань. Ты не подумай ничего такого, ладно? Не было ничего. Точно не было! Ромка он... Он оказался на удивление порядочным и... И моими прелестями не прельстился. Это точно!

– А... А прелести все же предлагались. – Александра зажмурилась, так и не отняв ладонь ото рта.

Сейчас вот наступил самый удобный и самый нужный момент для того, чтобы сказать ей обо всем. О том, например, что Ромка убит и что труп его она видела собственными глазами на Катькиной даче. Сказать и посмотреть на реакцию.

Она не сказала.

Ну, скажет, рассудила, и что дальше?! Прикажет ей – своей любимой подруге – написать явку с повинной? Чушь собачья! Катька ей в лицо рассмеется в лучшем случае, в худшем вытолкнет за порог, но ни писать, ни признаваться ни в чем не станет, это точно. А то еще, чего доброго, переведет стрелки на нее и обвинит ее во всех грехах смертных, и в смерти Ромки обвинит. Чего, собственно, она и боялась изначально.

Надо ехать к Ксюше и с ней решать, как быть дальше. Кто-то же должен обнаружить этот самый труп! Ну, милиция там или еще кто. Пускай сами обнаруживают и сами ведут расследование. Ей это не под силу точно. Она со всем этим ни за что не справится. Либо набьет себе шишек, либо попадет в жесткий расследовательский переплет, либо сама умрет от тоски и горя.

Надо ехать к Ксюше.

Глава 3

Родительский двор утопал в тени огромных в два обхвата тополей. Александра их не любила. Не деревья, а зараза. По весне усевают землю липкими почками. Пройти по двору и не нацеплять их на подошву, надо было еще ухитриться. Так мало на подошву, эта клейкая зараза цеплялась и за низ брюк и джинсов, липла к колготкам и оставляла там потом ничем не отстирывающиеся отвратительные пятна.

Почки благополучно пережили, жди дальнейших сюрпризов. Месяц-полтора, и полетел белоснежный невесомый пух, назойливее которого может быть только обезумевшая надоедливая муха. Этот пух лез в глаза, рот, проникал сквозь закрытые окна и двери и оседал на диванных подушках. Помнится, в детстве они пытались вести непримиримую борьбу с этим природным явлением и безжалостно жгли в темных углах между старыми сараями пуховые залежи. Пуха от этого не становилось меньше, а вот один из сараев однажды загорелся. Ох, и попало им тогда!..

Пух закончился, тут же принималась осыпаться листва. И это в самый разгар лета! Когда другие приличные деревья только-только набирали силу, радуя глаз заматеревшей густой зеленью, с тополей к ногам потихоньку начинали опадать жухлые серые листья. Разве порядок? Черта с два!

Дали бы ей волю, давно бы все это добро выкорчевала да насадила... жасмина, к примеру. Хотя жасмин низкорослый, такой благодатной тени в июльский зной от него не дождешься. Ну... Тогда бы насажала липовых деревьев или, скажем, лозинок. И растут быстро, и прохлады завались, и мусора никакого.

С обычным недовольством покосившись в сторону высоких кряжистых деревьев, Александра осторожно двинулась к родительскому дому.

Осторожность нужно было проявлять беспрецедентную. Выловят ее родители, все пропало. Тут же заташат к себе. Усадят за стол. Начнут кормить, воспитывать, ужасаться. Она этим всем без их обеда сыта по самое горло, по самый свой курносый нос и уши. Она же все заранее знает, что они скажут.

– Доченька, ну нельзя же так жить! – станет восклицать мама.

Как можно жить, она точно не знала и ни разу не дала Александре вразумительного совета, но что жить так, как живет Александра – непозволительно свободно и не обремененно никакими социальными условностями, – жить было нельзя стопроцентно.

– Вырастили на свою шею. – Это отец уже подключался, не выдержав дочерней молчаливой реакции. – Никакого толка от нее. Никакого!

Какой ему был нужен от нее толк, он тоже не знал. И так же, как и мать, ни разу не ответил ей определенно.

Ладно, эту тему проедут и приступят к ее внешнему виду. А это было куда как много хуже предыдущей темы.

Прическа не та. Сейчас никто не носит хвоста на макушке, это заурядно, детство, которое давно надо было оставить в детстве. Краситься так и не научилась, а пора бы. Одевается как-то безлико. Брала бы пример с Катерины, у той каждый клочок ткани на теле играет. О том, что само тело под этой самой тканью играло изначально, родителями, как опровержение не принималось.

– Ты ничуть не хуже! – ужасалась всегда мама и любовно оглядывала собственное чадо со всех сторон.

– У тебя есть все, что положено иметь женщине! – брови у отца уходили под низкую поседевшую челку, пока руки обрисовывали в воздухе силуэт якобы ее ладного тела.

Она молчала и терпела, не возражала, но и не соглашалась.

На самом-то деле она считала себя нескладной, невзрачной и... совершенно несексуальной.

Может, и было у нее все, что положено было иметь любой женщине, но все было какое-то неудельное, что ли.

Грудь большая, но не такая высокая, как у Катьки. Ноги длинные, но переступают совсем не так, как ее. Лицо вроде бы и симпатичное, если взглядеться, но никакого, к чертям, шарма. Ну, никакого же! В глазах ни единого намека на ту самую томную поволоку, которая заставляла столбенеть всех знакомых Катькиных мужиков. Рот самый заурядный, не припухлый, не капризный, а все чаще строго поджатый.

– Тебя бы в хорошие руки, коли наши с матерью до тебя не дошли. – Эту черту обычно подводил отец, не желая при этом уточнять, что конкретно эти самые хорошие руки должны были с нею сотворить.

Никакой конкретики, а ей догадывайся...

Родительского старенького джипа «китайца» под окнами не было видно. Неужели пронесло? Неужели предки убрались куда-то ни свет ни заря? Может, за грибами? Говорят, их в этом году тьма-тьмущая. Может, и рванули, если у отца при его скользящем графике выходной. Мать уже давно не работала, занимаясь домом.

У нее вот только руки все не доходили заняться тем самым домом, что оставила ей бабушка в наследство. Все никак и никак. На Ромку надеялась, а теперь...

– О, Сашка! Ты! – Ксюша стояла на пороге с поварешкой в руках, с которой на пол шлепались крупные вязкие капли теста. – Входи, я блины пеку. Мне свояк из деревни банку меда передал. Вот я и с блинами затеяла. Чего столбом стоишь, входи, входи!

Александра молча переступила порог. Закрыла дверь за собой, привалилась к ней спиной, и как бухнет:

– Ксюш, а его убили!

Ксюша только успела повернуться к ней спиной, намереваясь снова идти в кухню, где громко и недовольно постреливало масло в сковородке, как тут же встала, как вкопанная, и, не оборачиваясь, просипела:

– Что?! Что ты сказала?!

– Я сказала, что Ромку убили!

Ксюша странно подхрюкнула, потом охнула, потом привалилась пухлым плечом к стене, и, когда на нее обернулась, лицо ее было цвета опадающих сейчас во дворе тополиных листьев. И не лицо как будто, а серый, изъеденный временем пергамент.

– Ты что такое говоришь, Сашка?! Ты дура совсем, да?! – И Ксюша отмахнулась от нее поварешкой, будто оградиться хотела от дурацкой правды.

Липкая густая капля пролетела мимо ее лица и с мягким сочным шлепком опустилась на дерматиновую дверную обивку. Обе проследили ее полет и тут же снова уставились друг на друга.

– Так! Давай все по порядку, – проговорила Ксюша, трижды глубоко вздохнув и выдохнув, восстанавливаясь после пережитого шока. – Какого Ромку убили? Где убили? За что убили? Кто тебе сказал? Что все это значит?!

Вопросов было много, и, чтобы на них ответить, надо было изложить всю историю, в которую по Ксюшиной, между прочим, вине и попала Александра. А это, в свою очередь, требовало времени и сил. Поэтому, стянув кроссовки, Саша поплелась мимо остолбеневшей соседки на кухню. Ее нескладные ноги, которые и в хорошие-то времена ступали по земле без особой грации, теперь и вовсе заплетались.

– У тебя сковорода горит, – позвала она Ксюшу, усевшись за стол. – И кухня у тебя новая. Классная, Ксюш...

Ксюша стремительно ворвалась на кухню, схватила с электрической плиты сковороду, сунула ее под воду, подняв в воздух целый столб возмущенного скворчащего пара. Обожглась, конечно же. В сердцах швырнула сковородку прямо в раковину и тут же полезла в духовку за второй.

Пока сковорода грелась, пока заливалась тестом и накрывалась крышкой, они напряженно молчали. Потом, когда уже подрумянившийся толстый блин шлепнулся в высокую керамическую блинницу и начал жадно плавить здоровенный кусок масла вперемешку с сахаром, Ксюша вдруг взорвалась.

– Это черт знает что такое! Что это такое, я спрашиваю?! – Она ткнула пальцем куда-то в сенсорный экран новехонькой плиты, сполоснула сковороду, убрала ее обратно в духовку и под села к Александре за стол. – Я посылаю тебя, чтобы ты накрыла этих двух подлецов с поличным... А ты что же?! Ты вместо того, чтоб застукать их, пристукнула его?!

– Вот!!! Вот я так и знала!!! – Александра просто подскочила на новеньком стульчике с ажурной плетеной спинкой. – Поэтому и удрала оттуда и милицию никакую не стала вызывать!

– Почему? – спросила Ксюша, наблюдая за ней с выражением тупой отрешенности. – Почему поэтому?

– Уж коли ты так сразу сказала, то что скажут милиционеры?! Они же меня прямо там бы и повязали, возле этой покосившейся калитки. И никогда бы и ни за что бы не поверили, что это не я его!

– А это... Это не ты?! – странно просипела Ксюша и икнула, дернувшись всем своим крупным мягким телом.

– Не я!!! – заорала Александра, снова упала на стульчик и закрыла лицо руками, намереваясь пореветь всласть. – Зачем, скажи, мне его убивать, если я его... Если я его люблю... любила... Боже, какой ужас!!! Какой чертов ужасный ужас, Ксюша!!! Он лежит на этом старом диване, рука вот так. – И она уронила правую руку, вывернув кисть, на пол, согнувшись почти пополам. – Волосы... Его волосы... Его рубашка... А из рубашки торчит нож...

– погоди! Как из рубашки?! – Ксюша глупела прямо на глазах, а тут еще эта ее надоедливая икота. – Почему из рубашки?! Ты же сказала, что Ромку того... убили?!

– Так рубашка-то была на Ромке! – всхлипнула Александра, и лицо ее жалко сморщилось.

– Ах, вон оно что! – В остановившихся глазах родительской соседки блеснуло притормозившее было озарение. – Нож из рубашки, рубашка на Ромке, стало быть, и нож торчал из Ромки тоже. А в каком месте? Ну, я имею в виду...

– Да поняла я уже! – перебила ее Александра, пореветь как следует, от души, не получалось. – Из спины он у него торчал. И в крови все кругом. И на пороге кровь, и следы еще чьи-то!

– Следы?! Какие следы?! – Ксюша продолжала икать, без конца конфузливо прикладывая кончики пальцев ко рту и тихонько приговаривая: – икота, икота, перейди на Федота... Какие следы, Александра?! Что за следы?!

– А я знаю! Я же не Шерлок Холмс, чтобы с лету определить, чья это подошва!

– А может, это ты и наследила, а? Вошла туда, не заметив, а потом...

– Нет, Ксюш. – Александра замотала головой так, что кончик ее конского хвоста стегнул по щеке. – Нет, это не я. Когда я входила в дом, порог уже был изляпан, и след четко отпечатался.

– Ну! – вдруг обрадовалась Ксюша, и даже икота ее оборвалась.

– Что ну?!

– Так это же хорошо!

– Что хорошо?! Что хорошо?!

– То, что след! Он и приведет...

– Кого и куда? – перебила Александра, выдвинувшись угрожающе в сторону Ксюши прямо через стол. – Кого и куда приведет?

– Милицию. – Ксюша подалась назад и часто-часто заморгала. – Милицию наведет на мысль, кого и где искать.

– Так... Какую милицию?! Нет, вопрос задан неправильно. Как милиция обо всем этом узнает? – Александра снова опустилась на стул, закрылась от приятельницы обеими руками. Наступал самый отвратительный, пожалуй, момент их разговора, самый скользкий, способный уличить ее, Александру, в трусости, малодушии и еще бог знает в чем – Ксюша же мастерица по анализованию.

– Мы... – потихоньку та начала сникать, заметив Сашино замешательство. – Мы сообщим... А ты против?

– Я?! Я – против?! – Ее ладошки соскочили со щек и с силой стукнули по столешнице. – Да! Я против! Точнее, я никак!

– То есть?

– Я не стану никому ничего заявлять. Хочется тебе, пожалуйста! Ты ведь могла, как соседка, найти тело? Запросто могла! Так что тебе и карты в руки! – Неожиданно, эта мысль показалась Александре очень удачной, и она закончила почти с мольбой в голосе. – Ведь так, Ксюш? Ты же могла зайти к соседям за тляпкой, к примеру, а?

– Нет, не могла! Потому что весь садовый инвентарь у меня в полном порядке и избытке, это первое. А второе...

– Что?

Александра даже шею вытянула в ее сторону, авось Ксюша чего-нибудь да придумает. Она же умная и еще сообразительная.

– А второе... Нам нужно туда съездить, Сашенька.

– Нам?! Туда?! Ни за что!!! – Александра снова интенсивно замотала головой. – Ты рехнулась, что ли, совсем?! Мы приходим, а там... А там нас милиция уже поджидает!

– Ну и что? А я на дачу собственную приехала. Разве это запрещено законодательством? Нет. А ты приехала со мной, отдохнуть и в земле покопаться. Неплохое, к слову, занятие. Зря пренебрегаешь... – Ксюшины глаза моментально зажглись, как два огромных факела, а пергаментные щеки заалели, словно два маковых лепестка. – Мы просто туда пришли! Просто пришли к себе, а что там творится по соседству... Короче, нам надо с тобой узнать. Может, там уже все и закончилось. Давай, блинов поедим и поедим, ага?

– Блинов? – Александра растерянно глянула в сторону глиняной блинницы. – Я даже и не знаю, хочу ли я.

– Хочешь! Кто знает, когда потом еще покушать удастся.

Блинов они наелись до отвала. И со сметаной, и с вареньем, которое Ксюша ухитрилась производить даже из лепестков и незрелых пасленовых. Потом она очень долго собиралась, перебирая нехитрый свой скарб и, то и дело выбегая на балкон, сверяла свой выбор с погодой. Остановилась в конечном итоге на широкой ситцевой юбке в крупную клетку и такой же широкой распашонке.

– Зато не жарко! – опротестовала Ксюша тут же невысказанное Александрой сомнение по поводу ее наряда. – Знаю, что полнит, знаю! Но если обтянусь, станет только хуже, и жарче к тому же.

Да, Ксюшину расплывшуюся стать ничем уже нельзя было ни исправить, ни испортить. Она ухитрилась одинаково безлико и громоздко выглядеть во всем, что надевала на себя. В конце концов она плюнула и перестала вовсе обращать на это внимание, упаковываясь в такой хлам, что оставалось только диву даваться, откуда она вообще все это берет. Сегодняшний ее клетчатый наряд очень сильно смахивал на старинную кухонную скатерть, которой Ксюша застилала свой старенький стол. Теперь стол был новый, скатерть осталась не у дел, может, она ее и вправду того: на юбку с распашонкой пустила. С нее ведь станется, она еще та рукодельница...

Переполненный автобус с облегчением выплюнул наружу раздраженных жарой и теснотой дачников и укатил, оставив после себя удушливый клуб сизого дыма.

– Ну и жарница! – Ксюша достала из необъятных размеров сумки платок и вытерла лицо. – Представляю, как он там теперь воняет!

– Кто?! – Александра испуганно дернулась и тут же глянула себе за спину, так и казалось, что в затылок ей кто-то дышит.

– Ромка твой, кто же еще! – фыркнула та и тут же заторопилась. – Надо торопиться, а то, не дай бог, воронье слетится, тогда уж точно не успеть!

Кого конкретно Ксюша называла вороньем, было не ясно. Поднимая пыль растоптан-ными сандалиями, она погнала вперед. Александра за ней еле-еле успевала.

Если честно, с величайшим удовольствием Саша сейчас бы забралась в свою кровать, укрылась бы с головой толстенной бабушкиной периной и предалась бы своему горю, которое и осознать-то как следует еще не успела.

Не успела, не успела! Это точно! Страх душил вместе со слезами, но разве же это осознание! Жуткая боль еще впереди, она еще настигнет ее осенними вечерами, сизыми от мелкой сетки холодного липкого дождя. А сейчас...

Сейчас было много страха, очень много. Он и гнал ее следом за Ксюшей, чья юбка сейчас раздувалась клетчатым парусом.

– Уф! Кажется, пришли! – Ксюша резко затормозила, подняв пыльное облако подошвами своих разношенных сандалий. – Выгляни, никого?

Они остановились за три дачи от той, которая им была нужна. Возле чьей-то чужой кованой калитки, слепленной из странных кладбищенских розочек. Русский мужик, он же догадливый, он откуда хочешь что угодно сопрет...

– Ну! – Ксюшин полный локоток больно врезался ей под ребра. – Чего видно?!

– А ничего! – поморщилась Александра и выступила чуть вперед, чтобы рассмотреть территорию перед восьмьсот двадцать четвертой дачей.

Территория была, как на ладони, и на ней не прослеживалось никакого присутствия или движения. Ни единой души. Ни автомашин с проблесковыми маячками, а ведь, по идее, должны были быть. А не было!

– Как это там никого нет?

– А так! Глянь сама.

Ксюша потеснила ее задом к кованой калитке и далеко вперед, как гусыня, вытянула шею.

– Слышь, Сань, а ты ничего не перепутала? Может, там и нет никого?

– Я и сама вижу, что нет.

– Да я не об этом! Я о том, что, может, там не было никакого трупа, а? – Голос Ксюши завибрировал отчетливой надеждой. – Может, тебе привиделось?

– Ты что, рехнулась, да?! – попыталась обидеться Александра, а у самой сердце тут же защемило.

Уж лучше прослыть истеричкой, психопаткой или выдумщицей! Ее любой исход дела устроил бы, лишь бы Ромка оказался живым. Но...

Но он никак не мог оказаться живым. С ее зрением и нервной системой еще сегодня утром все было в полном порядке, и они вместе не могли ее подвести, представив на обозрение нож, торчащий из спины любимого.

– Идем, что ли? – не очень уверенно предложила она Ксюше.

У той что-то пылу поубавилось, и она стояла теперь в нерешительности, покусывая сорванную возле забора травинку.

– Идем, раз пришли, – промямлила Ксюша, ссутулила полную спину и тяжелыми нетвердыми шагами двинулась к покосившейся калитке с прибитым на нее номером восьмьсот двадцать четыре.

Они не сразу проникли на чужую территорию. Так, кажется, это обзывается в криминальных хрониках. Минут пять еще топтались возле забора и шипели друг на друга, оспаривая очередность.

– Ладно, черт с тобой! – взорвалась Ксюша, устав наблюдать за тем, как Александра пятится по высокой траве к соседнему забору. – Пойду первой, но ты не вздумай отставать! Я ведь только с виду такая смелая, а на самом деле тоже боюсь. Все, идем!

Она приподняла калитку, откинув ее ровно настолько, чтобы беспрепятственно протиснуть в образовавшийся проем свои крутые бока. Ухватила Александру за шлевку джинсов и силой потащила за собой.

Возле двери Ксюша неожиданно остановилась и, низко опустив голову, уставилась на порог.

– Ну! Что? Видишь?! – еле слышно продребезжала Александра ей в самое ухо. – Видишь кровь? А следы?

– Если честно, я ничего не вижу, Сань. Ты... Ты уверена, что все это видела на самом деле?! Ну, бурые пятна там и следы, а?!

– Уверена! Я же не дура совсем!

– А-а-а, ну ладно, тогда взгляни. – Ксюша посторонилась, встав полубоком ко входу. – Взгляни, взгляни, дорогая!

Сарказма в голосе было предостаточно, чтобы не проникнуться. Александра подошла чуть ближе, опустила взгляд на порог и... ничего там не увидела. Ну, то есть совсем ничего. Гладкий деревянный порог, истертый временем и отполированный чужими ногами сиял девственной чистотой, без всяких там намеков на грязно-бурые потеки, впечатавшие в себя чьи-то следы.

– Идем дальше! – на подъеме произнесла Ксюша и покосилась на подругу со странным значением.

Она толкнула дверь богатырским плечом. Та с легкостью отлетела к противоположной стене. Одним скачком Ксюша преодолела крохотное пространство, заваленное садовым инвентарем. Вошла в комнату и громко окликнула Александру.

– Иди сюда, подруга!

– Зачем? – пискнула та, не поднимая глаз от порога и ничего совершенно не понимая уже.

– Иди, иди сюда, солнце мое! Иди и покажи, где он – твой труп – находится!

Уже по тому, как она это сказала, было понятно, что никакого Ромкиного трупа на старом диване нет и в помине. Мало того, нет никаких намеков, указывающих на то, что он там когда-то имелся.

– Ты идешь, или мне тебя силой сюда тащить?! – прикрикнула из недр чужой лачуги Ксюша.

Александра вошла. Вошла и без лишних осложнений огляделась, потому что солнце беспрепятственно проникало сквозь пыльные стекла – хвала небесам, хоть они оставались прежними.

Фанерный щит стоял на полу рядом со столом. Вешалка с кучей заплесневелой ненужной одежды, которую все вечно тащат из дома на дачу, а с дачи на помойку, тоже была на месте. Кучи старых газет по углам. Диван. Куски старой пакли все также свисали из щелей. Даже муха в паутине по-прежнему покачивалась между потолком и столом, не свиристела теперь уже, нет, но все еще была на прежнем месте.

Не было только Ромки.

Правильнее, не было Ромкиного трупа. Того самого, из чьей спины торчала наборная рукоятка самопального ножа. Так мало этого, ничто в доме не указывало на то, что он тут вообще когда-то был. Никаких следов на диване или на полу, никаких разводов, темных капель, ничего!

– Катька, зараза! – прошептала Александра, побледнев так стремительно, что даже щеки заныли. – Это она!

– Что она? – Ксюша с явной угрозой и раздражением уперла кулаки в свои крутые бока и посмотрела на подругу с сомнением. – Что твоя Катька-зараза?

– Она примчалась и все тут убрала, вот что! – выпалила Александра, опустила на корточки и принялась внимательно рассматривать пол возле дивана и входа. – Я была у нее и...

– И что?

– Ничего! – огрызнулась Александра.

Она вспомнила, что так ведь и не сказала Катьке про свою «находку» на ее даче. А значит, непонятно, как тогда эта зараза могла узнать и среагировать так быстро? К тому же одной Катьке не под силу выволочь из дома труп молодого здорового мужика и спрятать его где-то.

– Она его спрятала, – выдавила из себя Александра, поднимаясь на ноги.

Она была не просто разочарована, она была огорошена, сбита с толку и чувствовала себя сейчас если не полной идиоткой, то кем-то сродни. Ведь сколько она ни вглядывалась в пыльные некрашенные доски пола, она не нашла ни единого пятнышка на полу, ни единого намека на то, что здесь могли волочить окровавленный труп. Не под мышкой же его несли, в самом деле! Откуда было взяться силам у такого утонченного и нежного создания, как Катерина?!

– Все! Идем! Мне все ясно! – провозгласила Ксюша, снова вцепилась в шлевку на ее джинсах и поволокла Александру к выходу.

Они выбрались на улицу, повторив маневр с болтающейся на одной петле калиткой. И тут же без лишних слов двинулись в обратную сторону, взяв курс на автобусную остановку.

Молчали всю дорогу. Александра в растерянности поглядывала на задумчивую Ксюшу, не решаясь задать вопрос, изводивший зудом ее язык.

Куда мог подеваться труп?! Куда и когда?!

Он же был! Она же не дура, в самом деле, она же видела все! А рукоятку эту наборную помнит, наверное, даже отчетливее, чем все остальное.

Широкая такая, из разноцветных пластиковых пластинок, меняющихся попеременно: черная, прозрачная, потом грязно-розовая и снова черная. Помнит же? Помнит! Что тогда могло произойти за то время, что она сидела в траве на соседней дорожке, потом навещала Катьку, а следом Ксюшу?! Что произошло?!

– Я не знаю, – твердо ответила Александре на это Ксюша, провожая ее с автобусной остановки до самого дома. – Я не знаю, что произошло, Сань! Либо кто-то его умыкнул и все тут убрал, пока ты носилась по городу, как чумовая. Либо...

– Либо что?

– Либо с тобой что-то не того, мать. – И Ксюшин пухлый палец легонечко так тукнул себя в висок. – У тебя, как с психикой? Никаких кошмаров в последнее время не снилось? Или, может, дряни какой-нибудь насмотрелась по телевизору, а?

– Ага, давай, давай, объяви меня сумасшедшей. Это, пожалуй, выход, – покорно согласилась Александра, притормозила возле низенькой лавочки напротив бабушкиной калитки и уселась на нее. – Только, что бы ты ни говорила, Ксюша, труп там был. И я видела его своими глазами так же отчетливо, как вижу тебя! И...

– И?! – Ксюша, попробовав лавочку на прочность, осторожно на нее присела.

– И на нем была Ромкина рубашка, Ромкины штаны и... волосы, понимаешь!.. Волосы Ромкины! Их же ни с чьими перепутать больше нельзя! Кудрявые, светлые, по подушке вот так. – И Александра, вывернув голову, распушила хвост собственных волос именно так, как увиделись ей Ромкины волосы сегодняшним утром. – Ну, могла мне мышь привидеться! Ну, крыса там, к примеру, но не человек же! И уж если вспомнить ту самую дрянь, которую я обожаю смотреть по телевизору, как ты говоришь, то там...

– И что там? – фыркнула Ксюша, покосившись в ее сторону с материнской снисходительностью.

– Там десятки прецедентов подобных! Если не больше, – запальчиво ответила Александра. – И сумасшедшими объявляли, и до сумасшествия доводили, и до самоубийства.

– Надеюсь, ты не того?! – переполошилась Ксюша и полезла обниматься. – Ты смотри, не дури! Разберемся мы со всей этой ерундой! Разберемся, куда твой труп ушел, черти бы его побрали...

А труп ведь и в самом деле ушел, как оказалось! Ушел на своих ногах! И вполне живой, и совершенно здоровый, и по-прежнему симпатичный, и жизнерадостный возник вдруг на ее пороге уже этим вечером.

Глава 4

Она смотрела финальную сцену очередной «дряни», как именовала такие фильмы Ксюша. Смотрела и почти ничего не видела из-за распухших от слез глаз. По экрану бегали вооруженные боевики, стреляли, убивали кого-то, падали, поднимались и снова стреляли. Наверное, кому-то из них было больно, и значение каждый выстрел наверняка имел. Но ей сегодня было не до этого. Она сегодня упивалась собственным горем, которого оказалось слишком много для нее одной.

Александра уже и пожалела, что отпустила Ксюшу, хотя та напрашивалась на ночлег и даже вызывалась накормить ее вкусным ужином. Отказалась. И теперь вот, уливаясь слезами, жалела об этом. Вместе-то было бы не так гадко. Вместе, глядишь, они что-нибудь да придумали бы. Нашли бы объяснение тому, куда подевался убитый Ромка. Почему его убили, они бы ни за что не догадались бы, ни за что. Но вот куда могло подеваться его тело...

Фильм закончился, и по экрану бегло заскользили трехкилометровые титры. Александра нащупала на диване пульт от телевизора и нажала красную кнопку. Экран потух. Комнату моментально накрыли сумерки, от которых ей стало еще хуже. То хоть чье-то присутствие ощущалось. Нет, надо все же вызывать либо Катюку, либо Ксюшу. Первой можно устроить допрос с пристрастием. Она это умела. Глядишь, подружка и проболтается. А вторая накормила бы и уговорила не плакать, а то просто прорва какая-то слез. И поделаться с этим ничего нельзя.

Опустив ноги с дивана, где она просидела, скорчившись, все три часа, пока шел фильм, Александра встала и пошла к окну. Обычно она редко запирала окна на ночь, как-то не приходилось ей бояться. Может, просто пуганой не была. Теперь же оторопь брала буквально от всего. От неясных теней, мелькающих по углам. От неясных скрипов и шорохов, которыми был наполнен старенький бабушкин дом. Даже от уличного фонаря, болтающегося на ветру, и то делалось жутковато. Куда там было выйти в огород и посидеть полчасика на ступеньках заднего крылечка! Это она раньше могла так: взять и просидеть, не замечая времени и наблюдая за звездами. Теперь же ни-ни, теперь что-то странное творилось.

А может, она и правда с ума сходит от одиночества, а?! Может, того, крыша ее взяла и съехала потихоньку. Она вот все искала себя, искала пути самореализации, все ждала какого-то чуда или счастья, рецепта которого ей не оставила бабушка, и незаметно так превратилась в идиотку.

Могло такое случиться? Наверное. С другими ведь случалось, она тоже могла не быть исключением. Тем более что простимулировали ее с утра будь здоров. Подняли ни свет ни заря и отправили на эти чертовы дачи убедиться в подлости собственной подруги и любимого. И вот пока она ждала автобуса, ехала в нем, а потом блуждала по дорожкам, ее сознание взяло и свихнулось.

– Черта с два! – вырвалось у нее внезапно, и получилось очень громко для пустого темного дома, в котором, как известно, все слышится много громче и отчетливее.

Александра со злостью хлопнула створкой разошедшей рамы, со скрипом шмыгнула шпингалетом, задернула занавеску и пошла включать свет и вот тут...

Нет, она все же чокнулась! Несомненно, с ней что-то не так! Сначала ей привиделся труп, теперь мерещатся привидения!

Правильнее, самого привидения она не увидела, но это пока. Зато стук, характерный для этого самого привидения, она слышала более чем отчетливо.

Ну, да! Тот самый неповторимый стук, которым обычно скребыхался в ее дверь ее ненаглядный Ромочка! И она его слышит снова и снова. Она же не могла его позабыть, она его точно помнит и, кажется, слышит теперь очень отчетливо.

Так мало стука! Голос!..

Черт возьми, она уже слышит его голос! Ромкин голос! И он зовет ее по имени, именно так зовет, как делал это обычно.

– Сашуня! Сашуня, открой, малыш!

Ухватившись одной рукой за сердце, которое то останавливалось, то принималось колотиться с удвоенной силой, она медленно двинулась в сенцы. Свет решила не включать. Привидения, как известно, боятся света. Если она его включит, то все исчезнет: и стук, и голос. Она лучше так, в темноте. Она же его не боится! Это же не чье-нибудь, это же Ромкино привидение заявило к ней поздним вечером. Его-то ей с чего бояться, она же любила его живого, полюбит и...

Дверь-паразитка, будто нарочно, заскрипела так протяжно, что пятками Александра немедленно вросла в пол у порога. Распахивалась нарочно так медленно, будто и не служила им с бабушкой верой и правдой последние десятилетия, будто и не сроднилась с ними всеми своими гвоздями и занозами.

Распахнулась наконец-то! И...

На самой нижней ступеньке, заделанной из самой узкой доски, которая только и смогла найтись у соседа дяди Коли, совершенно живой и здоровый стоял Ромка.

То, что он живой, Александра поняла сразу, невзирая на слабоумие, в котором начала себя подозревать с некоторых пор.

Почему поняла? Да потому что!..

Во-первых, он не просвечивался!

Свет от фонаря, который маятником болтался на ветру, очень отчетливо и очень конкретно высвечивал живую Ромкину плоть, такую же симпатичную и желанную, между прочим.

Во-вторых, от него все так же пахло его любимым одеколоном. А разве привидения пахнут?!

В-третьих, вопреки устоявшимся стереотипам оно или он, теперь уж попробуй разберись, улыбалось ей и откровенно радовалось.

– Привет, маленький мой! – прежним ласковым голосом произнес тот, кто стоял сейчас на пороге и, сделав шаг вперед, протянул вперед руки. – Что-то случилось? Ты чего такая взъерошенная, а?

Она была не просто взъерошенная, она была... она просто уже и не знала, какой именно она была! Может, и правда сумасшедшей?!

Ромка, ее любимый и живее всех живых, вошел в дом. Закрыл за собой дверь, как уже делал это много вечеров подряд. Нашупал в темных сенцах ее спину, слегка погладил, привлек к себе и почти волоком потащил ее в комнату, идти-то самостоятельно она ну никак не могла. Это за один день столько потрясений, кто же выдержит такое?!

Он втащил ее, прислонил к стенке и, придерживая одной рукой, второй нащупав выключатель, включил свет. Александра даже жмуриться не стала, вытаращившись на него во все глаза, насколько, правда, позволяли опухшие от трехчасовых слез веки. Ей так хотелось убедиться, так хотелось увидеть, что он и в самом деле живой, а не плод ее воспалившегося воображения, которое подпалили еще с утра будь-будь!

– Ром... – в горле что-то булькнуло, скрипнуло и застопорилось. Она предприняла вторую попытку. – Ром... Ты...

– Я! А кто же еще! Ты чего, лапунь? Ты чего такая вся? И глаза... Ты редела, что ли, я не пойму? Э-э-э, да я вижу, дело совершенная дрянь! А ну-ка иди сюда, подружка, и давай рассказывай, что там у тебя стряслось?

Она покорно пошла за ним. Покорно села на диван и так же безропотно привалилась к Ромкиному крепкому плечу. Он заботливо укутал ее в покрывало, которое она измучила все и измочила слезами, пока шел боевик. Поцеловал в висок, погладил по волосам, слегка приводя их в порядок, и спросил:

– И чего ревела, спрашивается? Расскажешь, нет?

– Ага!

– Что – ага?

– Р-р-расс-скажуу-уу. – и слезы снова хлынули с удвоенной силой, моментально майским ливнем измочив всю рубашку на его плече.

– Так! А ну-ка прекрати! Так никуда не годится!

Его голос сделался чуть строже, но глаза смотрели на нее как-то странно, как-то по-особенному. И не виновато вроде, и в то же время с какой-то затаенной печалью, трусовато мерцающей на самом их дне.

– Александра! Что случилось?!

Ему все же пришлось встать и сходить на кухню за водой, и брызнуть потом в лицо ей почти полстакана, ну не унималась и все тут. Брызнул и тут же перепугался, будто ударить пришлось. Кинулся вытирать ее щеки кончиком скомканного покрывала. Сам вытирает, целует, приговаривает:

– Девочка моя! Ну не могу видеть тебя такой! Ну, что ты, в самом деле, а?! Ну, кто тебя так расстроил, расскажи наконец, я ему башку точно сверну!

А она возьми и скажи:

– Ты!

– Я?! Что я?!

И в его глазах снова заметалось странноватое выражение непонятной перепуганной тоски. Не особенно выраженное, вроде как мерцание, но было же, все равно было!

– Ты расстроил, Ромочка! – выдавила она наконец из себя, после того, как проглотила залпом остатки воды из стакана.

– И чем же я тебя смог расстроить? Мы же только вчера, кажется, расстались, и все между нами было не просто хорошо, а отлично просто! Милая, ну что ты?! Что ты выдумываешь?

И опять странность. Говорит, а сам отошел к окну и спиной к ней повернулся. И спина такая напряженная, что рубашка на лопатках натянулась, того и гляди, треснет.

Кстати! Рубашка!

– Ром, а где твоя вчерашняя рубашка, а?

Она некрасиво хлюпнула носом и тут же поморщилась, вот Катька никогда так отвратительно не плачет. У той каждая слеза, что жемчужина! Каждый всхлип, хоть на ноты клади. И лицо у нее при этом такое... Такое лицо... Ну просто усаживай рядом живописца и пускай себе творит. Одним шедевром точно станет больше.

– Рубашка? – кажется, он не понял. Оглянулся на нее от зашторенного окна, интересно, что вообще там можно было рассматривать. – Это которая?

– Вчерашняя, милый! Где твоя вчерашняя рубашка?

– Моя... Вчерашняя рубашка?... Хм-м, странные вопросы ты мне стала задавать, Санек! Какое это имеет значение, где моя вчерашняя рубашка? В стирке, где же еще!

– Врешь! Все ты врешь, Ромка! – выкрикнула она, почти задохнувшись от новой волны страха, потому что поняла, что он безбожно искажает правду. – Ее нет в твоей стирке! Ее вообще у тебя нет! Так где она?!

И вот тут он разозлился. Она никогда прежде не видела его таким злым. Красивая линия рта, которую она очень любила и втихаря для себя считала безвольной, вытянулась в тонкую жесткую черту. Проведи по ней пальцем – обдерешься! И глаза не лучше – полоснули по ней так, словно она у него не про рубашку спросила, которую утром обнаружила на чужом, как оказалось, трупе. А по меньшей мере... Ну... Даже придумать сложно, что нужно спросить, чтобы заслужить такой вот взгляд. Наверняка что-то про измену Родине.

А потом все вдруг куда-то пропало. И взгляд потеплел, и губы обмякли, и напряжение, чувствовалось, покинуло.

– Далась тебе эта рубашка? – вполне миролюбиво пробормотал Ромка и снова пошел к ней, присел, обнял и потянулся губами к ее рту. – Что тебе в ней, Санек?

– Это важно, Ромочка, поверь! – прошептала Александра, прижимаясь к нему теснее. – Я не спрашиваю, где она...

– Нет, ты именно об этом и спрашивала! – фыркнул он почти весело.

– Да нет же, не в этом дело! Просто я хочу кое в чем разобраться, и для этого мне важно знать... Она у тебя? Только скажи: да или нет, и все!

И она подняла на него опухшие от слез и горя глаза, успев ужаснуться попутно.

Зрелище наверняка было еще то! Хрюша ведь хрюшей! Ресничек не видно, нос пяточком, щеки красные. Странно вообще, что он на нее смотрит, мог бы и не делать этого. А смотрит же! И хорошо, между прочим, смотрит, как и раньше.

– Так да или нет, Ром?

– Нет, малыш! Нет у меня этой рубашки, но я не готов пока рассказать тебе, где она сейчас. – последовал виноватый вздох, и Ромка шепнул ей в самое ухо. – Если честно, то я об этом могу только догадываться. Но это ничего не меняет, потому что я тебя очень сильно люблю, поняла!!!

– Ром, а я знаю, где твоя рубашка. – Александра выпросталась из его рук, выпрямила спину, набрала полную грудь воздуха и... – Она на трупе, Ром!!!

– Что-оо??? – На него даже смотреть не было нужды, и без того было понятно, что он сражен наповал ее заявлением. – На каком трупе?! Ты чего болтаешь?! Ты, вообще, в своем уме?!

Начинается!!! Если сейчас и он скажет, что она чокнулась, обсмотревшись голливудской дрянью, и что явно заговаривается, она точно его выгонит.

Нет, погорячилась. Выгонять не станет, а поколотит запросто.

– Сашка! – Рома схватил ее за плечи, развернул на себя, тряхнул так, что шее стало больно, и просвистел, как Змей Горыныч. – А ну говори!

Пришлось рассказывать, а что было делать! Нужно же было объяснять причину своих слез хотя бы. Да и любопытство нездоровое к предметам его гардероба требовало толкования. А то, не ровен час, к сумасшествию еще и фетишизм припишут.

Слушал внимательно, не перебивая, но постепенно меняясь в лице. Не злился теперь уже, нет. Он теперь медленно наполнялся ужасом. Кажется, даже волосы его начали потихоньку потрескивать, так ему сделалось жутко оттого, что она ему рассказала.

– Ты веришь мне, Ром? – тихонько спросила Александра и погладила его по побледневшей щеке.

Ей было очень важно знать, что он верит ей. Хоть он бы поверил, что ли! И хоть как-то помог бы связать все воедино: их с Каткой свидание, она теперь была уверена в том, что они там встречались, но теперь это как-то задвинулось на задний план; его одежда, непонятно как очутившаяся на чужом убитом теле; и само исчезновение этого тела. Все это нужно было как-то скомпоновать и логически обосновать. Она одна не могла, как ни старалась. Может, вместе получилось бы!

Не получилось...

– Ты зачем туда поперлась, милая?! – чужим дребезжащим голосом спросил он сразу же, как она задала ему свой вопрос после рассказа. – Проверять, изменяю ли я тебе с твоей подругой или нет?!

Это был отходной маневр, совершенно ненужный и распыляющий силы, их общие силы. Она-то надеялась, что они объединятся и вместе продумают стратегию хоть каких-нибудь действий. А он все о личном!

– Итак, зачем?! – Ромкины глаза смотрели строго, с укоризной. – Затем, чтобы...

– Ну, да. А ты бы не поперся?

– Проверила? – Взгляд разбавился насмешкой.

– Проверила!

– Убедилась?

– Нет, но...

– Ты мне не веришь, Сашка! – возмутился он неподдельно. – Не веришь, а это худо! Вот если бы верила, то не поехала бы, так?

– Ага.

– А не поехала бы, так и трупа не нашла бы, так?

– Ага.

– Что ты заладила, ага да ага! А ты поехала, нашла труп, а потом он куда-то испарился, и следы убийства испарились, будто бы их и не было, так? – Он выдохнул со злостью. – Только не агакай опять, все так! И что вот теперь делать?!

– Не знаю, Ром.

Господи! Как же она обрадовалась, что он все именно так представил сейчас. Именно так, не усомнившись в ее рассудке, не взяв под сомнение ее слова. Пускай хоть злится, хоть кричит, главное – поверил.

– Но делать-то что-то надо, черт возьми! Ведь на этом трупе мои вещи, Сашка! А это еще хуже того, что ты мне не веришь. Это куда хуже... Как думаешь, куда могло подеваться тело, малыш?

Она думала не больше минуты, тут же без запинки отчитавшись:

– Думаю, что его оттуда забрал тот, кто положил или уложил, уж не знаю.

– Логично. А кто? Катька?

Он фыркнул недоверчиво и с презрением, что тоже очень-очень ей понравилось.

Он не любит Катьку! Он даже, может быть, ее презирает. Пускай и непонятно, за что, но это же очевидно.

– Катька способна на многое, но чтобы убить... Нет, это не она, точно. – Ромка уронил подбородок на грудь и какое-то время рассматривал собственные руки, будто тестировал их на причастность к случившемуся в Катькином дачном домике. – Ладно, давай, как одна мудрая дама советовала, подумаем об этом завтра, хорошо?

– Давай. – Она теперь согласна была на что угодно, хоть в огонь за ним, хоть в воду.

– А сейчас... Сейчас не мешало бы перекусить. Накормишь?

Трехминутная паника сменилась бурной жадной деятельностью. Александра себя не узнавала, таская из бабушкиных шкафов кастрюли и сковородки. И без Ксюши обошлось. Без ее умения приготовить кашу из топора. Конечно, Александра не стала экспериментировать, а традиционно нажарила молодой картошки. Благо мать всучила целый пакет пару дней назад. Нарезала огурцов, полила растительным маслом, нащипала сверху крохотными былинками укропчика. Одна из грядок чудом уцелела от бабушки, и она ее обнаружила, блуждая в зарослях полутораметровых мальв. И нарвала пучок, хотя сама укроп и не любила. Сейчас вот пригодилось.

– Иди, Ром. Не бог весть что, но все же.

Пока она готовила, он сидел все время в комнате и не издал ни единого звука, точно и вправду умер, превратившись в привидение. Когда вошел в кухню, на его лице буквально не осталось и кровинки.

– Санька, дело-то дерьмовое, знаешь! – воскликнул он, седлая старенькую табуретку возле стола. – Тряпки ведь мои, прикинь! Не дай бог, кто найдет этого убиенного, что тогда будет, представляешь!!!

– Нет, – честно призналась Александра, совсем по-взрослому накладывая ему картошку в тарелку из сковородки и ставя на стол.

Тут же потрудилась и вилочку положить по его правую руку, и кусочек хлеба подсунуть слева. Ну, хозяйюшка просто, а мать с отцом все ноют...

– Нет, Рома, я сейчас, если честно, ничего не представляю. Я так обрадовалась, что ты жив, что ничего почти уже не соображаю. И тот человек, которого убили, он...

– А это он был или она? – вдруг спросил Ромка и начал настороженно присматриваться к тому, что она выложила перед ним на тарелке. Понюхал даже, подняв тарелку и поднеся ее к самому носу. – Ты уверена, что это съедобно?

– Да. – Александра даже чуть-чуть обиделась.

Подумаешь! Катькину стряпню ел, не боялся. Хотя и стряпни-то всей было по паре яиц, разбитых в сковороду. А ей не доверяет.

Ромка взял вилку, подцепил маленькую зажаренную до красноты дольку, отправил в рот, пожевал, кажется, успокоился, потому как улыбнулся одобрительно, и снова пристал к ней со странным, казалось бы, вопросом:

– Так кто лежал убитый на диване: он или она? Труп был мужской или женский? Может, это Катька была?

– Исключается! – фыркнула Александра и зачерпнула со сковородки пару ложек себе в тарелку, раз Ромка принялся есть с аппетитом, она тоже не отравится. – Я была у нее сегодня. И говорила с ней, как с живой.

– Да? И о чем говорила? – Его рука повисла в воздухе, не донеся очередную порцию нехитрого ужина до рта. А глаза снова замерцали неприятным осуждением. – Допрашивала?

– Нет. Не допрашивала. Просто говорила. А с чего ты решил, что труп может быть женским? Вещи-то были твои!

– Ну и что?! Вещи могли надеть на кого угодно для того, чтобы меня, к примеру, подставить! Чем не мысль, а? К тому же лица и фигуры ты не видела и... Господи! – Ромка с грохотом уронил вилку на стол и ухватился за голову двумя руками, установив локти на стол. – Надо же было такому случиться, а!!! Все, как нарочно! Представляешь, находят этот труп где-нибудь на городской свалке, а на нем мои вещи!

– Может, еще не найдут, Ром! Ты не убивайся так. – попыталась успокоить его Александра, а заодно и себя.

Отделаться от неприятного ощущения, что Ромка чего-то не договаривает, или попросту водит ее за нос, не проходило. И если сначала оно было неясным – это ощущение, вытесненным радостью от встречи, то потом, с каждой следующей за предыдущей минутой оно вдруг начало набирать силу, крепнуть и неприятно карябать душу отвратительным вопросом.

Как оказались на Катькиной даче его вещи? Ну, как?! Не могли же они остаться там с тех давних пор, когда между ними еще была любовь. Он же вчера приходил к Александре во всем том, что потом самым странным образом оказалось на убитом...

Она так и не решилась задать этот вопрос ему. Решив, что еще будет время и для этого. Сегодня просто не захотелось портить встречу, на которую она уже и надеяться не могла.

Они доели картошку, то и дело скреживаясь вилками над тарелкой с огуречными дольками. Попили чаю без ничего. Она же не знала, что он придет к ней, она даже не подозревала о том, что он вообще еще существует, поэтому и не оказалось в ее доме ни батона, ни булки, ни завалящей бараночки.

Александра собрала тарелки со стола, загрузила в раковину и принялась мыть, не забывая заученно чертыхаться допотопности конструкции. В ванную воду провели, как положено, а на кухню у алкашей-старателей старания не хватило. Вывели одну трубу с холодной водой, напрочь позабыв про горячую. Вот теперь, как собиралась мыть посуду или готовить, она их и вспоминала всякими разными словами. Руки-то мерзли!

Ромка сидел за ее спиной, болтая всякие ненужности, от которых у нее моментально разболелась голова.

И чего городит про работу какую-то?! Снова про огород ее запущенный? Про ремонт?.. Разве об этом сейчас следовало говорить?! Разве об этом сейчас следовало думать? Вопрос ведь стоял серьезный, еще более ужасал возможный ответ на него.

Вот как найдут этот самый труп! Как обнаружится, что на нем Ромкины тряпки, вот тогда и будет ему ремонт дома с выкорчевкой мальв попутно! Как бы ему тогда не пришлось корчевать другие культуры много севернее...

Его болтовня оборвалась внезапно. То ли ее задумчивость на него так подействовала, то ли исчерпал себя без остатка. Но он оборвал свой беззаботный треп на полуслове и говорит:

– Сань, я чего хотел... Я останусь сегодня у тебя, ладно? Ты ведь не будешь против, нет?

Он?! У нее?! Это как это – у нее?! Они станут спать с ним в одной постели?! Мама дорогая!!!

Просто пойдут в ее спальню, разденутся – ох, господи, ужас какой, на ней же белье в глупый синий горошек – и завалятся вдвоем под бабушкину перину?!

Так, стоп, заноситься не следовало, прежде всего.

Может, он ничего такого и не думает, напрашиваясь на ночлег. Может, он просто хочет переночевать.

То, что он желает остаться, еще не значит, что он желает ее, черт возьми! Она же вся такая... Нескладная, вот! И неумелая еще! Он вон даже в ее умении жарить картошку усомнился, что же она станет делать с ним в постели?! Она же там ровным счетом ничего делать не умеет! Она там ноль полный!!! Она же не Катька.

Это у подруги каждый роман – готовый сценарий для ролика. Коротко, страстно и красиво. Во всяком случае, именно так она всегда ей об этом рассказывала. И про Ромку, кстати, тоже много чего ей рассказывала. Про то, как он целуется, и про то, как они с ним и в ванной, и на кухне, и в подъезде даже однажды. И все у них вроде получалось как бы само собой, без стеснения, без оглядки и без лишних опасений, а получится ли...

Она ведь не такая, как Катька! Она же скованная, стеснительная и страхов у нее ровно столько, сколько требуется для горького разочарования, после которого только друзьями и остаются.

– Санек, ты чего затихла, а, малыш?

Она так задумалась, так запаниковала, что не заметила, как он встал и подошел к ней почти вплотную сзади. Подошел, просунул руку под ее локтем и быстро выключил воду, что без толку шелкала по облупившейся эмалированной раковине. Обилие-то ее, кстати, те самые горе-сантехники, уронив тридцать три раза, прежде чем поставить.

Вторая его рука обняла ее, сошлась с первой на ее животе, и обе они очень крепко прижали ее к Ромке. Она даже глаза зажмурила от того, как бешено там за ее спиной бухало его живое сердце, которое она уже успела похоронить.

– Эй, маленький, ты меня слышишь? – Он задышал ей в самое ухо, перекинув ее волосы ей на грудь, чтобы они ему не мешались. – Ты трусишь да, или не хочешь, чтобы я оставался?

– Да. – Ох, как она была ему благодарна за то, что он тут же обо всем догадался.

– Что «да»? Трусишь или...

– Трушу, Ром! Я ведь темная совершенно и после Катьки ты со мной...

– Ох, господи боже мой! Она что же, вечно будет стоять между нами?! – Ей снова удалось его разозлить, и руки, обнимающие ее живот, сделали ей почти больно. – Я тебя люблю, неужели непонятно!!! При чем тут Катька?! Так мне остаться или уйти?!

– Нет!

– Что «нет»? Остаться – нет, или уйти – нет? – Он все еще злился, судя по его голосу, но руки заметно ослабли, тут же залезая ей под футболку.

– Оставайся, – шепнула она, не открывая глаз. – Оставайся, Ром, только я...

– Да все я про тебя знаю, дурочка. – Ромка тихонько рассмеялся ей в самое ухо, перебив ее глупый бессвязный лепет. – Ну, давай, веди, показывай, где там твоя легендарная перина.

Катька-зараза рассказала! Больше никому. В ее спальню Ромка почти никогда не входил. Когда входил, постель всегда была застлана тем самым покрывалом, в которое она сегодня лила слезы.

Ну и пускай рассказала! Ей-то что с того? Ее же нет сейчас ни с ними, ни между ними. Они только вдвоем и никого больше в бабушкиной спальне, где стояла широченная высокая кровать с чугунными спинками.

Быстро раздевшись в темноте, так она сама захотела, Александра покидала дурацкое свое белье в нелепый горошек под кровать и, не глядя в ту сторону, где неторопливо раздевался Ромка, юркнула под перину. Легла и замерла, сведя коленки.

Как это будет, господи?! Как?! Быстро, страстно и красиво, как рассказывала всегда Катька, или она задохнется в удушье собственного бессилия и стыда?! Ведь у всех же бывает по-разному. И пишут и рассказывают и показывают в кино всегда все неодинаково.

Старинная кровать негодуя всхлинула под Ромкой, когда тот встал на нее коленками и потянул на себя перину. Александра в панике ухватилась за второй ее край.

Она так не хочет! Она не хочет, чтобы он видел ее. Хоть в спальне и темень, глаза выкальвай, но вдруг разглядит всю ее несуразность!

– Сашенька, милая, расслабься. – попросил Ромка, укладываясь рядом с ней, после того, как понял, что перину она без боя из рук не выпустит. – Ну что ты, как маленькая, в самом деле! Будь взрослой девочкой, я тебя прошу...

Она и старалась!

Она очень старалась быть взрослой, понимающей и не замечающей его торопливости и какой-то непонятной нервозности. Она старалась не слышать тех слов, что он говорил ей. Не анализировать их, и не сравнивать с теми, о которых с упоением рассказывала ей Катька.

А ведь не то говорил! Совсем не то, черти бы его побрали!

И еще она очень старалась рассмотреть в его скомканных поспешностью ласках хоть какой-то намек на нежность.

Не получилось! Не находилось! И опять он все говорил и говорил ей какие-то некрасивые нелепости.

– Малыш, ты сверху ведь не сможешь, так?.. – передразнила она его мысленно, когда все закончилось, и Ромка упал спиной на подушки, и руки широко раскинул в стороны. – Давай тогда я сам...

А потом уж совершенно некстати закралось в голову саркастическое Ксюшино замечание в Ромкин адрес.

– Колхозник он твой Ромка! Хорошего тебе с ним ждать нечего. – выдала она как-то, распалившись от нежелания Александры внимать ее умным советам.

Что ждало их впереди, кто знает, но пока...

Он даже традиционного вопроса ей не задал, который почти всегда задают мужчины женщинам, когда все заканчивалось. Пускай даже и неинтересно ему, хорошо ли ей с ним было или нет, ради приличия поинтересоваться мог бы?

Мог, но не поинтересовался, уснув скоренько вместо этого.

Утром, едва открыв глаза, сразу же запросил есть. Капризно так запросил, хозяйски-собственническим тоном. А как только уселся к столу за яичницу, спросил совершенно не то, что она от него ждала от него все утро, рассматривая его недовольное заспанное лицо.

– Как думаешь, его найдут, труп-то твой?

У нее просто рот открылся и двигался беззвучно минуту-другую.

Вот это был вопросец! Улет просто!

Александра еле удержалась от резкости, еле не выпалила, что еще жива пока и трупом, как бы, становиться не собирается.

Но Ромка, будто ничего и не заметив, выдохнул с надеждой, успев, правда, перед этим забить свой рот жареными яйцами:

– Может, еще и не найдут его. Может, зря переживаем...

Глава 5

Надежды не оправдались, затрещав по всем швам, когда к Александре пришел сосед дядя Коля.

Тот всегда почти входил без стука и приглашения, считая, что раз они соседи, то ни первого, ни второго не требуется. Всегда входил, долго топая на тех самых ступеньках крыльца, которые сам латал много лет подряд. Вроде бы ноги обивал, как чаще оказывалось, от несуществующего снега либо грязи. Александра понимала, что дядя Коля топает с умыслом, вроде оповещающая, раз стучаться он считал необязательным.

– Шурка, дома ты или нет?! – закричал он еще из сенцев, и тут же распахнул дверь в коридор, помчался на кухню и, не успев зайти, затараторил, – «брехаловку» – то нынче читала, или нет?!

«Брехаловкой» дядя Коля называл местную газетенку, скучно и нудно пишущую долгие годы про надои, посевы, покосы и передовиков. Александра ее почти никогда не читала, так лишь изредка заглядывала на последнюю страницу в колонку объявлений, поздравлений и некрологов. Город был маленьким, знакомые фамилии и адреса мелькали часто.

Дядя Коля мнение ее разделял целиком и полностью, выстилая гаражные полки новыми экземплярами, отправляя старые и промаслившиеся на помойку.

Сегодня, видимо, местные издатели изменили своему многолетнему правилу не будить в народных массах заинтересованности, и напечатали что-то из ряда вон выходящее, коли дядя Коля примчался к Александре не с пакетом белого налива, которого у него было навалом и которым он снабжал все соседние улицы, а именно с газетой.

– Ты глянь, чего пишут, Шурка! Ты глянь! – говорить он начал еще в коридоре, никого не видя, а когда увидел, тут же выпалил: – А это что еще такое?!

Дядя Коля не спросил: кто такой! Потому как Ромкино мелькание перед ее калиткой замечал и строго отслеживал его уход.

Он спросил: что такое! Ибо Ромкино присутствие на ее кухне ранним утром в одних трусах, кого угодно навело бы на разного рода мысли.

Мысли дяди Коли были гневными, он, бедолага, даже красными пятнами пошел, наблюдая за тем, с каким упоением Ромка вылизывает хлебной коркой опустевшую тарелку.

– Это Рома, дядь Коль, – представила его Александра, стыдливо запахивая на себе халат, который и без того был едва ли не трижды обернут вокруг ее тела.

– Вижу, что не Петя! – Сосед даже не глянул в ее сторону, продолжая рассматривать Ромку. – Спрашиваю, чего он тут делает в одних трусах? И почему жрет? За твой счет небось, а?!

– Дядя Коля!!! – повысила голос Александра, покраснев так, что слезы навернулись на глаза. – Это всего лишь...

– Что? – Сухонькое лицо соседа презрительно скривилось в Ромкину сторону.

– Это всего лишь яичница!

– Она тоже денег стоит, – огрызнулся дядя Коля и хотел было продолжить в том же духе, но вспомнил, зачем пришел, и снова потряс в воздухе газетой. – Читала или нет сегодняшнюю-то?

– Нет, когда! Я и из дома еще не выходила, – бесхитростно ответила Александра, дав новый повод для соседского сарказма.

– Оно и понятно! – тут же подхватил он с радостью, но снова быстро переключился на утреннюю публикацию. – Ты гляди, чего тут пишут! Ты только погляди! Найден труп молодой девки...

– Так прямо и написано: труп девки? – не поверил Ромка, приподняв зад и потянувшись к газете.

Но не тут-то было! Дядя Коля гневно отмахнулся, развернул газету, уложил на бабушкин еще рабочий стол и принялся медленно, с выражением зачитывать.

По мере того как он читал, Александра и Роман становились все бледнее и угрюмее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.